

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ. ПРИТЧИ

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА*

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

КАПИТАЛИЗМ И СВЯТАЯ РУСЬ.

Мудрец сказал:

— Святая Русь и Капитализм — смертельные враги!..

Капитализм — это рынок... базар... торжище!..

Капитализм — это Бред древних финикийцев-бездельников... торговцев...

* Окончание; начало см. в «ПЗ» № 1, 2015.

И вот этот провинциальный Бред — победил весь мир! победил Человечество!..
Всемогущие Банки, как Вавилонские Башни, стоят по всему миру и пьют Его
кровь...

Это Тромбы Человечества...

Но мы знаем, что стало с Вавилонской Башней...
И это станет с банками-кровососами...
Скоро... при дверях...
На Уолл-стрит уже стоят Всадники Апокалипсиса...
Ждут Знака с Небес...

Далай-лама сказал:
— Когда Колесо придет в мир — мир погибнет...
Когда торговцы на колесах завоюют мир — мир погибнет...

Иисус Христос — а Русь Святая живет по Христу — изгнал торговцев из Храма...
Но на Руси торговцы пришли к власти и разрушают Храм Святой Руси...

Капитализм — смертельный Враг Русского Государства, которое в течение тыся-
чи лет строили Русские Цари и Русский Народ в кровавых битвах и в междоусобных
бранях...

Капитализм — это слепые Князья Междоусобицы, которые вновь вышли из мо-
гил...

Капитализм гонит русский народ на погосты...
Капитализму не нужен русский беззащитный неторговый народ...

А русский человек, а Русская Тысячелетняя Православная Душа — не приемлют
капитализм...

Русскому соборному стыдливому человеку — даже в маленькой частной лавке —
чудится что-то воровское... грешное...

В этой дьявольской тайной Битве (а Она пострашней Куликовской и Сталинград-
ской битв) между Святой Русью и капитализмом — пока побеждает Капитализм, со-
блазня многих иуд тридцатью сребренниками...

И посылая миллионы безвинных смиренных русских людей на кладбища досроч-
ные неоглядные...

В этой смертельной Битве не может быть мира, как между убийцей и жертвой!..

Воистину!..

Горят нынче над смиренной Русью Святой, как звездное, полыхающее падучими
звездами небо августа-звездопадника, Слова Христа: Я принес не мир, но Меч!..

В этой Страшной Войне Капитализм ходит с Мечом, а Русь Святая — со смирен-
ною Молитвой...

Не мало ли?..

Доколе?..

До погоста, уготованного Капитализмом всему Русскому Народу?..

...О, Спаситель!

А ведь Ты говоришь о смирении перед Богом, а не перед сатаной...

Доколе?..

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ.

Мудрец сказал:

— Жизнь человека повторяет Историю Человечества...

Жизнь человека похожа на Движение Мировых Религий...

Детство — это Язычество... Сладкая жизнь тела... Господство милой юной плоти... Многобожие...

Одному Богу трудно уследить за многими греховными человеками...

А Многим Богам — можно... уследить за обильным человечеством... за каждым человеком...

Юность — это Иудаизм... Страсти плоти и жизнь Души... и Духа...

Искусство жить среди людей... Око за око... зуб за зуб...

Искусство любить свой народ более других, ибо Бог дал тебе твой родной народ...

Бога нельзя увидеть...

Но вот твой родной народ плещется окрест тебя...

Это и есть Бог... Зримый... Живой... Многоликий...

Старцы говорят, что у Бога — много Ликов...

Зрелость — это Христианство и Ислам...

Борьба с греховной плотью...

Жизнь Духа...

Поиски Бога...

Любовь к ближнему...

Искусство умирать за други своя...

Смиренье перед Богом, а не перед сатаной...

Голгофский Крест — это Меч, вонзенный в землю...

И должно вырвать этот Меч из Голгофы и посесть Им бесов...

Старость — это Буддизм...

Возвращенье... растворенье во Вселенной...

Нирвана исхода... Сладкое Искусство Смерти...

Итак, жизнь человека — это смена всех Великих Религий...

Но Любовь — выше всех Религий...

Любовь — это Вечность Всех Жизней... Океан Всех Религий...

...О, человече! Люби всех людей...

И, значит, люби Бога...

Можно не знать ни одной Религии — а любить землю, Вселенную, всех людей, всех зверей, всех стрекоз...

И тогда Ты узнаешь Бога, который любит Всех...

И вот в каждом человеке живут переплетаются Все Четыре Религии... и многие другие...

...И вот я выхожу ранним утром лазоревым из своей одинокой саманной кибитки — и меня уже ждут улыбчивые родные: Моисей на огненном коне, Будда на белом слоне, Иисус Христос на белой ослице и Мухаммад на золотой верблюдице...

И Они сопровождают меня до гроба...

И за гробом...

...Дервиш сказал:

— Всякий человек на земле — Четырехгорбый Верблюд...

Он носит на себе Четырех Пророков...

И многих Других... Чьи Имена в забвении...

А Всевышний — носит Всех...

И никого...

О, Необъятный!..

О, Всемогущий!..

О, Всевольный!..

О СМЕРТИ.

...О, Боже!.. О, Необъятный!..

О, Вселенная — лишь Соломинка... Паутинка Кочующая Твоя!..

Мудрец сказал:

— Истинно Мудрый умирает на Тропе Одиночества... беседуя с Богом наедине...

Впрочем, так умирает каждый человек на земле...

Только мудрец всю жизнь готовится к смерти, а слепец — в последний миг...

Но, может быть, и это мудрость...

Ибо постоянная мысль о смерти — отравляет блаженно слепую жизнь...

Истинный Поэт умирает на ложе любви... на лоне жены — и долго не остывают его одеяла с рыдающей последней возлюбленной его...

Она думала, что встретила любовь — а это смерть в одеялах...

Но так мечтает умереть каждый человек... не только поэт...

Истинный Воин умирает на поле брани...

И сладки, не иссякают в веках — святы победные раны его...

Кровь героев вечно струится...

Но редко кто хочет такой смерти...

А это ведь Святая Смерть за «друзи своя»...

Истинный Властитель умирает в сумасшедшем доме, устав от сострадания к бедам и язвам народам своего...

Никто не хочет такой смерти...
Но каждый хочет такой жизни...

Придет время, когда истинные Властители-Пастухи будут избегать народа своего, боясь сумасшествия от любви к Нему...
И тогда волки будут пасти стада человеков...
И уже пасут...

Пришли Времена Волков-пастухов, которые пожирают стадо, а не пасут...

О, Боже...
И где же любовь... и сострадание... и служение народу своему...

Уййююю!..

ПЧЕЛА.

Мудрец сказал:
— Пчела, укусив человека — издыхает в траве...
А клеветники, завистники, убийцы — обидев, уязвив человека, живут, не страдая...
А страждет человек, которого они укусили, обидели, убили...

И что же пчела благородней этих человеков?..

СОБАКА.

Мудрец сказал:
— Мудрость собаки в том, что она служит, любит, подчиняется хозяину...

А мудрость человека — в служении, в любви к Творцу...
В сладкой покорности Его Воле!..
Да!..

Тогда человек выше собаки...

К 700 — летию Сергия Радонежского

Гимн I

В далеком заброшенном кишлаке —
Мне чудится, снится родная Святая Россия...

Ветер сиверко вольно гуляет над согбенными, многокрававыми,
Но не покоренными русичами
И над златыми душецелительными святыми смолистыми дубравами и борами...

Ветер, ветер — древний родной ветер веет — над древними родными русскими головами и борами...

А на холме золотом некошеном
Стоит ситцевый хлебный телячий ржаной овсяной льняной улыбчивый орлиный
мальчик

С пшеничными, летучими, взволнованными, вьющимися, как у курчавого агнца,
власами многодальными
И синеструйными, аки живые фригийские синь-васильки глазами очами.

Вот-вот от бешеного северного ветра прольется, изольется, расплещется их нежно-влажная синь —

Да не проливается
Святая живая...

Бог не даст сим Очам проливаться...

Это Отрок Варфоломей —
Грядущий Спаситель Святой Руси — Сергей Радонежский,

И в руках у Отрока — плещется на всю Русь Всепобедное Русское Знамя.
А на Знамени —
Святовитязь Святоротник
Дмитрий Донской

И Генералиссимус Иосиф Сталин...

И вечный древнерусский Ветер
Колышет, колеблет, оживляет Бессмертное,
Вечноживое необъятное Многокровавое Вечнопобедное Имперское Русское Знамя...

Блаже!..

А еще
На Знамени,
Как на Пляшанице,
Лик Христа

Проступает...

Гимн II

Чингисхан с тюменями...
Наполеон с гвардией...
Гитлер с армиями...
Американец с ракетами...

Смертельно хищно кровососно стоят у Русских Пустынных Смиранных Ворот,

А Церковь херувимскую льстивую Песню о Мире поет...

И только семисотлетний Сергей Радонежский

Ковыляет к Воротам, распахнутым настезь...
С горящим Мечом

И шепчет на всю спящую Русь беззубым ртом:
«Я принес не мир, но Меч,
И те — иуды, кто в Сей Час Роковой не с Мечом...»

Бог Христос по Руси нынче ходит с Крестом, как с Мечом...

Крест — се Меч посеянный, вонзенный в землю!..
Вырви! Выдерни Его из всех миллионов русских Голгоф!

И рази бей кишасих врагов у смиренно вопиющих Русских Ворот...

ЮРИЙ ХАРЛАМОВ — ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ СКАЗОЧНИК...

...В далекой ростовской, почти безымянной, деревне,
Средь грядок картошки и лука,
В седом одиночестве
И в унижительной смиренной бедности
Ушел от нас в вечность
К своей возлюбленной Свете-Светлане
Последний русский сказочник —
Русский улыбчивый Антуан де Сент-Экзюпери —
Юра, Юрий Харламов,
Самый нежно душевный, хрустально херувимски прозрачный, щедролюбивый
человек
Из тех, кого я знал на земле...

Но Антуан улетел в небеса на самолете,
А Юра улетел, ушел, взошел к звездам,
Где ждет его Света —
От картофельных грядок и зарослей изумрудного укропа и лука...

Он не успел собрать урожай небогатый,
И вот мы собираем картошку и лук
На Его деревенских поминках...

Он завещал нам картошку и лук
И небесные крылатые вечные сказки —

А нас на земле осталось так мало —
Так мало любителей юриных пленительно детских доверчивых, как кружева не-
весты, сказок...

И вот мы пьем поминальное вино и тихо рыдаем
На опустевших грядках...

Ах, жаль, что без Юры... течет этот праздник загробный печальный...

А Юра нам кротко нежно улыбается
Из Небесного Царствия —
Как будто и он повинен, что Смерть на земле — хозяйка...

И шепчет: Ребята... родные... земные...
Не плачьте...
Я жду вас под вечноцветущими яблонями...
А Света накрыла стол
С молодой картошкой, посыпанной изумрудным укропом и луком,
Которые вы только что собрали, сорвали...

...Так блаженно уходят из мира сказочники...
Так они нежно улыбочиво переселяются в Небесное Царство...

Так мы блаженно рыдаем на поминальных грядках...

Господь! Помилуй нас, грешных и невиноватых...
На грядках... на грядках...
На опустевших грядках...

НА СМЕРТЬ ЮРИЯ ХАРЛАМОВА...

...Ах, я бреду в осеннем русском поле, поле, поле...
И собираю, вспоминаю в поле некошеном урожай покошенный друзей моих
усопших.

Ах, в русском поле, нынче брошенном, только Смерть с косою ходит, косит...

Ах, в старости ты бродишь среди гробов — а не среди колосьев отягченных...
А нынешняя Русь — на кладбище бескрайнее похожая...

Ах, скоро-скоро я один споткнусь, останусь в вечножуравлином русском поле
непокошенном,
Где нынче лишь стоит, царит бурьян
И нет ни колоска живого,
Ни козы
И ни травинки,

Лишь одинокий Спас в забытой русской петушиной косоворотке
Да в яловых сапогах —
Ведь поле русское — вечноползущее, вечнодождливое, вечнопромоклое,
Хотя вечнорыдалисто-родное, как дите промозглое косое
Навстречу мне грядет и молвит:

...Сыне... сыне...
Нынче ты стал одиноким в русском поле беззащитно неповинно одиноком,
А я уже две тыщи лет брожу по миру Одиноким
И с упованием спасаю, утешаю одиноких,
А их, как звезд в ночном небесном поле...

О поле русское...
Пустыня...
Завыть бы волком — да не ходит волк в пустыне...

Один бурьян...
Ни колоска живого...
Ни козы
И ни травинки...

И лишь тоскующий от одиночества Вселенский Бог
Отеческою Дланью
Убирает нежно со щеки моей слезинку...

Николай Макаров
(г. Тула)

НАШИ В АФРИКЕ

Наши постоянный автор, член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и региональной литературной премии им. Л. Н. Толстого.

МОЙ КОМБАТ

*Буй Анатолий Филиппович,
родился 05.03.1949 в селе Новоселовка
Пологовского района Запорожской области
Украинской ССР*

Биографическая справка.

Гвардии полковник в отставке.

В 1966 году окончил среднюю школу, в 1969 году — Одесское военное артиллерийское училище, в 2005 году — Международный юридический институт МЮ РФ. С 1972 по 1982 год прошел путь от командира взвода до командира батальона в 51-м гвардейском парашютно-десантном ордена Суворова 3-й степени полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.

С 19. 01. 1982 по 22. 03. 1985 год — советник командира парашютно-десантного батальона в Эфиопии, участник боевых действий.

С мая по октябрь 1985 года и с июля 1988 года по декабрь 1992 года — старший помощник начальника оперативного отделения дивизии, с октября 1985 года по июль 1988 года — заместитель командира 51-го гвардейского парашютно-десантного полка. В 1993 год — уволен в запас.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу на пожаре», другими медалями.

В настоящее время является заместителем председателя Центрального Совета «Союза десантников России».

Из воспоминаний гвардии подполковника в отставке Николая Алексеевича Быстрова об Эфиопии, где он одновременно находился с гвардии подполковником (в то время) Бум:

«...— В восемьдесят втором на три года, стечением невероятных обстоятельств (о них, этих обстоятельствах — как-нибудь в другой раз, да и не интересно это), отправили меня военным советником командира парашютно-десантного батальона аэромобильной бригады в Эфиопию.

— Первые дни в Эфиопии чуть не завершились международным скандалом и тюрьмой. Вышли на берег озера, а там до воды метров сорок-пятьдесят — сплошная дичь: от фламинго до банальных чирков. Ты же знаешь Буя — мгновенье и выстрел из пистолета заваливает огромного гуся.

— Из-за гуся, что ли, международный скандал?

— Из-за него родимого: выдернули перья, выпотрошили, поставили котелок на огонь. И приплыли, вернее на джипе пожаловало все командование бригады с их, так называемыми, егерями. Нам просто погрозили пальчиком и пожурили, сказав, что если бы мы были предупреждены о «браконьерстве», то сидеть нам по два года в их тюрьме за этого убитого гуся.

— Что — с первых дней так оголодали?

— Как тебе сказать? Наши «великие» стратеги из посольства отказались от дополнительного питания для советников, от дополнительной экипировки. Они же, то есть мы — все идейные, все партийные, коммунисты, большевики, и им, то есть нам излишества совсем, совсем ни к чему.

— И выход — какой?

— Раз в месяц на джипе делегация выезжала в Аддисс-Абебу на базар за продуктами. Заодно и повидать семьи, пересчитать детей у кого они имелись.

— Наверное, отрывались по полной в таких поездках?

— В эфиопских барах спиртное за один раз из бутылки выливалось в стакан по тридцать грамм.

— Что для нашего брата категорически противопоказано.

— Обычно фирменный «трюк» проделывали перед отъездом из столицы. Просили налить джина — самый крепкий напиток в тридцать градусов — грамм двести, выпивали, расплачивались, остальные пять-шесть стаканов оплачивали местные за всегдатаи, восхищаясь от зависти нашими русскими организмами. Местным один наш граненый стакан — смертельная доза.

— А кубинцы как?

— Нет, кубинцы — крепкие ребята, пили наравне с нами, не уступая. Хотя в корне отличались своим поведением. Приходили в любое питейное заведение, бросали пистолет на стол и их обслуживали не только без очереди, но и совершенно бесплатно. А нам в город запрещалось носить оружие.

— Это в столице, а в поле?

— На «зимних» квартирах охотились на кабанов, ловили сомов в озере — какой-никакой, а подручный этот харч нас очень выручал. На боевых — совсем другое дело. Порой несколько дней подряд все питание сводилось к одному-двум початкам кукурузы в день. Чаше — в сыром виде. Иногда меняли значки с изображением Ленина у местных мальчишек на два вареных початка все той же кукурузы. А экипировка чего стоила! Одно одеяло, одна плащ-палатка и одна американская фляга с водой на троих. На меня, на Буя и переводчика. И в такие дни вопрос стоял не какое количество выпить воды, вопрос стоял о том, как будем решать — жребием или голосованием — один или полтора колпачка от фляги воды принять на душу населения.

— Войска как обходились?

— Они в своей пустыне находили какие-то болота, какие-то лужи и притаскивали «цинк» — это где-то ведро воды с осадком ила в половину объема — и нам первыми давали пить. Пьешь эту жижу, зная, что она на все подразделение, и каких усилий стоило оторвать губы и зубы, да, да зубы, которые мертвой хваткой вцеплялись в край «цинка». Выжили.

— Чем вы-то там конкретно занимались?

— Готовили правительственные войска воевать «настоящим образом». Из Союза каждый ташил всяческие устаревшие наставления, учебники, уставы, разработки. Отрывали обложки, первые страницы с печатями и надписями «для служебного пользования» — по ним и учили местный контингент. Но привезти нужную литературу оказалось мало: по каждой теме должны быть написаны конспекты. Эти конспекты — на бумаге с водяными знаками! (я такую бумагу в Союзе и в глаза-то не видел) — мы «верхнему» военному советнику сдавали на вес.

— На вес?

— Приносили наши опусы к нему в кабинет. Он протягивал руку, и мы на ладонь осторожно водружали эти экзотические листы бумаги с водяными знаками и нашими записями. Начальство многозначительно взвешивало, не читая, и если вес не соответствовал его представлению о качестве написанного, оно, то есть начальство, возвращало конспект на доработку.

— Воевали эфиопы?

— Посылаешь в ночную разведку, утром приходят выбритые, выглаженные, на чистых ботинках роса — все понятно, где были эти разведчики. Буй, тоже советник командира парашютно-десантного батальона, он подполковником был в то время, разрабатывает план боевой операции с высадкой ночного вертолетного десанта в глубокий тыл сепаратистов. План великолепный во всех отношениях, верх военного тактического искусства, а эфиопы, эфиоп иху мать, банально струсили и отказались от этой операции. Да, что там, операции — почти каждую ночь двое-трое с нашей стороны уходили к противнику. Или другой пример: целый день эти вояки из пушек пытались сбить пулеметчика сепаратистов с господствующей высоты и все без толку. Буй, вспомнив свое артиллерийское прошлое, предварительно произведя расчеты, с первого залпа накрыл пулеметчика...».

Отрывок из книги «Записки батальонного врача»:

«...Буй. Анатолий Филиппович Буй. Гвардии подполковник. Мой крайний, перед моим уходом в медсанбат, командир батальона в 51-м полку. Мой ровесник. Мой друг. Мой товарищ. И...

...Батальонные стрельбы на полигоне. Дневные стрельбы. Вдруг перешедшие в ночные. А жена не предупреждена — обещал вернуться к вечеру: сын только месяц назад родился: то да се, короче — вагон и маленькая тележка неотложных домашних дел. И стрельбище не покинуть. Нет такого права. Черным по белому написано (в краткой интерпретации): стрельбы без дежурного врача проводить запрещено!

А ночные стрельбы плавно переходят опять — в дневные. Так что домой появляюсь к вечеру вторых суток. И начинается тихий (ребенок спит) разбор «полетов».

Где? С кем? Был?! Доброжелателей-то у нас полным-полно во все времена были, есть и будут. На мои попытки оправдательных словес (честных оправдательных) — никакой реакции. Тебя, дескать, видели в городе. В той-то квартире. В такое-то время. С такой-то бабой (то есть с женичиной). И т. д. и т. п. Пошло мочало — начинай сначала.

Пришлось привозить комбата, замполита, начальника штаба батальона, а заодно — и купленное пианино дочери (на лошади, на телеге!), чтобы прекратились женские инсинуации в мой адрес...

...Мое дежурство по полку — суточное. С девяти утра. До девяти утра следующего дня. И где-то около десяти вечера, в конце рабочего дня (а раньше и не заканчивал свои трудовые, вернее, военные бдения) ко мне в медпункт заходит комбат, подполковник Буй. И между делом, т. е. разговорами за рюмкой чая, сообщает

о том, что завтра он «со сранья», с раннего утра, то бишь, поднимает батальон по учебной тревоге. А за тобой (т.е. за мной) он пойдет в пять утра. Чтобы вместе посмотреть на свои войска. Как они будут действовать по сигналу, а главное — как четко и слаженно пройдет это учебное мероприятие. На том и разошлись. Напоследок я его предупредил.

— Филиппыч! Тебе утром сдавать анализы натоцка, так что в твоих кровных интересах разбудить меня завтра в пять утра...

Как обычно, на дежурстве, я просыпаюсь в полшестого утра. Чтобы идти в столовую. Контролировать приготовление солдатского завтрака. Выхожу из медпункта. Иду в столовую. И вижу... Вижу в середине плаца комбата с двумя секундомерами и его непонимающий, слегка обескураживающий взгляд в мою сторону. Ориентировался он моментально.

— Братан, извини! Забыл! Пулей к дежурному по части. Звони домой. К тебе посылный вот-вот должен подойти.

В трубке раздается заспанный голос жены и, не успев ей ничего сказать, слышу в трубке трели дверного звонка и ее слова:

— Кто-то звонит такую рань — пойду, посмотрю...

Жду. И слышу ее голос. Не заспанный. С нержавеющей металлом в каждом слове.

— Там, за тобой посылный пришел. У вас — тревога! И на каком же, интересно, это ты дежурстве?

Опять с комбатом, замполитом, начальником штаба (но теперь, ясное дело, без пианино) и шампанским едем ко мне...

Вот так на пустом месте, из ничего и рушатся ненадежные семьи. Если нет надежных командиров и начальников. Если нет надежных товарищей.

...В полку появился тренажер, на котором обучаются пускам ПТУРСов (ПТУРС — противотанковый управляемый реактивный снаряд). И что-то у солдат никак на этом тренажере учебные пуски не «пошли». Мимо. Опять мимо. И у офицеров почти такой же результат. Тогда Буй, в то время еще командир батареи этих самых ПТУРСов, в сердцах и говорит:

— Да, я одной левой... ногой завалю этот танк на экране.

Опять скептики (где их только нет!):

— Вот, если бы из настоящего ПТУРСа...

Вскоре представилась и такая возможность. Стрельба из ПТУРСа штатным снарядом по движущемуся танку Т-34, еще военного выпуска.

— Ящик коньяка... и одной левой... ногой уделаю этот танк.

И уделал. И без ящика коньяка бы уделал...».

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИЛЛЕРИСТА — «ЖИВОТНОВОДА»

*Колесников Юрий Сергеевич,
родился 11.11.1949*

У подполковника запаса Юрия Колесникова нет удостоверения «Участника боевых действий». И в личном деле никаких записей о его заграничных командировках не имеется. Естественно, и никаких льгот ему не полагается.

— Самозванец, как Гришка Отрепьев, — смеется он вместе со мной.

...В начале семьдесят пятого года прошлого века вызывают лейтенанта-артиллера в надлежащие органы и инстанции и предлагают командировку в стра-

ну с очень жарким и очень влажным климатом. Беседы, инструктажи, медицинская комиссия, прививки от всяческой тропической заразы.

— Знал, что лечу в Африку, но в какую страну конкретно мне сказали только в ЦК КПСС, — продолжает вспоминать Колесников. — Партия вам доверяет оказать помощь молодой африканской стране Сомали, вставшей на путь строительства социализма. А вы, товарищ Колесников, зря поспешили вступить в кандидаты члена КПСС (*справка: кандидатский стаж на время командировок по линии ЦК КПСС прерывался — членские взносы-то некому платить*).

— Приплыли, как говорится. Однажды моя беспартийная принадлежность...— хотя, об этом чуть позже. Сдал кандидатскую книжку, сдал удостоверение офицера, все документы, касающиеся моей принадлежности к Вооруженным Силам Советского Союза, сдал. Взамен получил... «ксиву», в которой недвусмысленно было написано, что в Сомали направляется один из лучших специалистов по африканскому сельскому хозяйству в области животноводства. И документ выдали вдогонку первому, что данный молодой специалист ко всему прочему — активный член (а как же — без членства-то обойтись?) профсоюза сельхозработников. А если этот самый долбаный животновод будет уличен международными наблюдателями в чем-нибудь предосудительном (например, в обучении аборигенов в меткости стрельбы из пушек, а не в увеличении поголовья верблюдов и страусов), то этот гад ползучий пусть рассчитывает только сам на себя и на других таких же гадов ползучих, кои в изобилии представляют фауну страны. И контракт — в зубы: даже маковой росинки в эти самые зубы не было оговорено в этом контракте. Посоветовали брать пример с чукчей: они, что увидят, о том и поют; а так как вы и петь-то толком не мастаки, то, что увидите и добудете, то и будет вам и первым, и вторым, и третьим, и какавом с чаем.

— Пошли мы получать спецодежду в спецраспределитель, — он заразительно смеется. — Представляешь? И нам выдают... тройки из чистой шерсти и зимние пальто. Инструкция, понимаешь. Вдруг там, в Сомали, резко, без разрешения и утверждения свыше, наступит Ледниковый период — и кто нам, бедолагам, тогда поможет (*справка: вся эта гражданская одежда не от щедрот высшего органа партии, а в замен, полагающейся по нормам вещевого довольствия, военного обмундирования. Поэтому по возвращении из Африки «животновод» донашивал еще один срок лейтенантскую, выданную в училище по выпуску, протертую чуть ли не до дыр, форму одежды*).

Все когда-то кончается. Кончились и у нашего героя предотлетные мытарства. С такими же специалистами по сельскому хозяйству он в самолете Аэрофлота на пути в Могадишо — столицу Сомали, будущей его родины. Посадка в Каире на дозаправку.

— Выходим из самолета и... мордой — по бетонке. Вокруг вооруженные до зубов арабы. Невозмутимые, как их достопримечательный Сфинкс. Обращаюсь к ближайшему по-арабски с тульским акцентом — знал пару десятков фраз на их тарабарщине: «Что же вы, сукины коты, забыли семьдесят третий, забыли войну Судного дня, когда мы вам, сукиным котам, помогали?». Залопотал, сукин кот, в ответ: «Камарада, без обид, ничего, мол, личного, политика, едрит твою под корень: сегодня дружим с вами, завтра — с другими, а послезавтра — хрен его знает с кем. Без обид».

Первое лирическое отступление.

В 1973 году, через три каких-то месяца после окончания тульской «артухи», молодой лейтенант в октябре оказывается в гуще грандиозного танкового сражения, по масштабам не уступающее битве на Курской дуге 1943 года. Лучшим из лучших шестерым советским лейтенантам-ракетчикам (под охраной и прикрытием шестисот коммандос — элиты египетской армии) приказано произвести испытательно-боевой пуск из секретных на то время трех ракетных установок, залп по дви-

жущейся колонне израильских танков. Стрелять не абы куда, стрелять не по площадям — вот вам, салажня, снимок из космоса в реальном времени, вот, вам, салажня, через полчаса, второй снимок из космоса. А это — вам, дорогие израильские господа хорошие, три выпущенные ракеты: в начало, середину и арьергард колонны. Более семидесяти уничтоженных танков — салажня и не на такое способна, вот, вам еще через полчаса тому подтверждение на снимке из космоса.

Через две недели пребывания на израильско-арабской войне Судного дня шестерым молодым лейтенантам, стоящих по стойке «смирно» перед высоким начальством из Москвы, дают команду:

— Коммунисты, шаг вперед!

Не оказалось среди них таковых — одна комса незрелая. Поэтому советниками после окончания войны вместо них в Египте остаются подполковники и полковники старой партийной закалки, закваски и розлива.

— На таможне в Могадишском аэропорту трясут беспощадно: два блока сигарет и две бутылки спиртного. Ни крошки табака лишнего, ни лишней капли спиртного. — Продолжаются воспоминания. — А у меня, наряду с другими вещами, два огромных чемодана: один под завязку набит бутылками с водкой, другой — блоками сигарет. С кем они, эти сомалийские папуасы, вздумали тягаться, с потомками Левши? Содержимое этих чемоданов со всех сторон было упаковано плотной портяночной тканью, а сразу под крышкой каждого чемодана, на виду, без упаковки, во всей первозданной красоте, лежало по огромному шмату копченого хохляцкого — пальчики оближешь — сала. Наш пролетарский ответ их мусульманским предрассудкам.

— Экзотика навалилась с первого дня. Мне сразу выдали стек, которым полагалось наказывать за нерадивость и тупорылость всех обучающихся в их учебном центре, кроме одного — начальника этого центра. Приходила группа — привозили образцы пушек и через отведенное для обучения время каждый попадал с расстояния в километр в дерево. Приходила другая группа — привозили другие марки пушек и процесс обучения продолжался. Однажды попросил меня их один высокий начальник перевести наше наставление по топографии и геодезии объемом в триста с лишним страниц на какой-нибудь другой язык, но чтобы наставление для их армии уложилось на десяти страницах. А лучше — на пяти. В идеале — на одной странице. Перевел им с русского на русский, но на десяти страницах. Или, другой случай — прислали нам опытные сверхсекретные по тем временам четыре установки «Град». Через неделю отлучаюсь в Могадишо по служебным делам на два дня. Приезжаю — меня чуть кондратий не хватил — нет одной машины. В ходе расследования выяснилось, что сомалийцы не смогли ее завести и с помощью дюжины верблюдов оттащили на свалку. Да, дело, явно, было не в бобине. Зачистил клемму на аккумуляторе (песок попал) и пригнал машину обратно своим ходом.

Второе лирическое отступление.

В Могадишо старший лейтенант артиллерист-ракетчик Юрка Колесников встретился со старшим лейтенантом медицинской службы провизором Стасом Рагулиным. Вторая их встреча произошла ровно через двадцать лет в 1995 году в Туле, куда их привели неисповедимые армейские пути-дороги. Узнали, узнали они сразу друг друга через столько лет. Сейчас дружат семьями, помогая друг другу в нелегкое наше сегодняшнее время.

— Еду и воду добывали сами. Основной пищей были бананы — с тех пор на бананы даже смотреть не хочу. Охотились за страусиными яйцами. Выслеживали в бинокли, где страусиха сделала кладку. Два-три дня хронометрировали ее поведение. С подветренной стороны километров с четырех перебежками продвигались ближе, а последние четыреста метров передвигались исключительно по-пластунски. Быстрее

паровозного свиста выкапывали из песка по яйцу, опять закапывали кладку. И, что было сил, удирали обратно. Однажды наши проделки все-таки засекала мамаша-страусиха и кинулась за нами в погону. Всегда охотились вчетвером (нас и в команде-то было только четыре человека — советских спецов) — трое несут по яйцу, а четвертый прикрывает с карабином. Выстрел — мимо, выстрел — мимо, выстрел и мы успеваем укрыться в машине. Но никто из нас, даже под страхом быть насмерть забитым разъяренной мамашей, не бросил свою драгоценную добычу. Нет, страусиного мяса мы не ели — за убитого страуса полагалось по сомалийским законам вплоть до высшей меры. Охотились за кабанами, ловили рыбу в Индийском океане, не брезговали и змеями. О холодильниках и электричестве и не мечтали. Спали на земле на соломенных тюфяках, раздевшись догола — накрывались пологом из противомоскитной сетки и вокруг нашего пристанища раскладывали веревку из овечьей шерсти от змей. Самый большой дефицит у нас считалась ложка и вилка. Это все — лирика. Дальше — проза.

Приезжают проверяющие из Москвы.

— Почему нет наглядной агитации? Почему нет плакатов?

Ну как, как им было доказать, что о какой может быть наглядной агитации, если у них в стране нет даже письменности. На каком языке им все наглядно агитировать. И — за что агитировать?

Третье лирическое отступление.

По возвращении из Сомали в октябре 1976-го Колесникова вызывает к себе начальник политотдела ракетной бригады и требует предъявить законспектированные гениальные работы дорогого Леонида Ильича и сдать по этим работам зачето-экзамен. Доказывать, что газеты и письма от родных приходили к ним с полугодовой задержкой, было бесполезно. И что, в конце концов, там надо было выполнять боевую задачу, а не заниматься всякой галиматией. В результате его политической отсталости и безграмотности начальник политотдела приказал начальнику отдела кадров без высокого соизволения не носить к командиру бригады документы на подпись об очередном воинском звании. Пока этот, эфиоп его мать, не сдаст ему лично надлежащий зачето-экзамен. На полгода было тогда задержано присвоения очередного звания.

— О местном колорите расскажи — что тебя больше всего поразило?

Он призадумался.

— Сомалийки — очень красивые женщины. Высокие, тонкогубые, с правильными чертами лица, стройные. Очень храбрые — каждая сомалийка может одна с ножом пойти против льва. И чаще побеждает именно она. Но, к сожалению, они все — фригидные женщины. Им с детства удаляют клитор, а в возрасте восьми-десяти лет зашивают большие губы, оставляя небольшое отверстие. Так сказать — двойная девственная плева... За сбитую машиной бездомную женщину (бомжиху, по нашему, а таких — большинство населения) штрафуют на 20 сомалийских шиллингов, за такого же бездомного сомалийца — на 40 шиллингов, за задавленного осла — на 100 шиллингов... Вообще, сомалийки очень храбрые и воинственные люди. Недаром они гнали эфиопов, как наши шведов под Полтавой. Конечно, и наша выучка пришлась им кстати. Уличение сомалийца в трусости опускало его до уровня женщин. Нет, его не переделывали в «голубого» — об него просто после каждой еды (еду брали исключительно только руками) все вытирали руки... В стране — сухой закон. Мусульмане, что с них взять, ни водку не пьют, ни сало не едят. За спиртным ездили в соседнюю Кению — доедешь до первого бара и затаривайся сколько душе угодно.

— На исходе семьдесят шестого года нас (всех советских специалистов по сель-

скому хозяйству) объявили персонами нон грата и приказали покинуть страну в сорок восемь часов. И только благодаря военным морякам и батальону морских пехотинцев мы благополучно, через пакистанский Карачи, добрались до Шереметьева. Выезжая из аэропорта, попросил таксиста остановиться у первого гастронома. Вылез. Купил круг «краковской» колбасы, батон, литр молока. И все в одночасье, с огромным ностальгическим аппетитом умял на ближних подступах к столице.

— И ни какой награды у тебя ни за Египет, ни за Сомали нет?

— Какая награда? Там же наших военных специалистов не было. — Он опять разительно смеется. — А медаль «За освоение целинных земель» специалистам по животноводству не полагалась.

Нет, не потерял чувство юмора подполковник запаса Юрий Сергеевич Колесников, артиллерист-ракетчик, по совместительству иногда исполнявший обязанности специалиста по животноводству...

Артиллеристы, наденьте ордена!

Елена Аверьянова
(г. Архангельск)

МОИ ДНИ РОЖДЕНИЯ

По образованию экономист. Окончила ВЗФЭИ (Архангельский филиал). С 1996 года занимается живописью в художественной студии Сверчкова А. С. при музее ИЗО города Архангельска. В 2003 году организовала и провела в Доме культуры «Химик» Щекинского района Тульской области выставку своих работ, посвященной светлой памяти своего отца — кинорежиссера Бориса Константиновича Шера.

Предлагаемые вашему вниманию рассказы автобиографичны.

*Отцу — Борису Константиновичу Шеру
посвящая эти рассказы*

ВЕЛОСИПЕД

День рождения яркий, особенный, личный, веселый и самый любимый праздник детства. Это потом с годами к нему относишься с настороженностью и поджидаешь его с пристальным всматриванием в зеркало. А тогда, в детстве, это самый лучший праздник, и ждешь его с нетерпением в ожидание чуда.

День рождения у меня тринадцатого мая, в это время, как я помню, всегда была уже теплая весна с сочной молодой зеленой листвой и ярким солнцем, что придавало моему празднику особую теплоту и торжественность. Праздник действительно всегда был именно моим праздником. Родители старались сделать его веселым, интересным и незабываемым. Взрослых гостей не было, а вот право пригласить моих сверстников полностью доверялось мне. И поэтому после уроков я, радостная в предвкушении праздника, бежала домой, где меня ждал подарок. Подарок мне дарили утром, но не спеша и внимательно я его рассматривала, придя из школы. Подарки были незамысловатые: настольные познавательные игры, бадминтон, хулахуп. Один раз мне даже подарили большой водный пистолет, по тем временам редкая игрушка, да еще и для девочки. Какое это было счастье получить нужный для себя подарок. Я всегда удивлялась, как родители угадывают с подарком, потому что думала, что именно в этот день рождения мне именно такой вот подарок и хотелось.

Когда мне исполнилось десять лет, утром, как обычно, я подарка не получила, но это ни сколько не испортило мне праздничного настроения, и я, счастливая в ожидание праздника, ушла в школу. После школы в назначенное время ко мне пришли мои гости и начался любимый мною праздник. Были шутки, веселье, интересные игры, в которых умело и ненавязчиво направляла нас мама. Мы играли, хохотали, а я все посматривала в сторону коридора и поджидала папу, потому что я знала, что он при-

дет обязательно с фотоаппаратом, и мы будем фотографироваться, и папа чем-нибудь нас развеселит. И вот, наконец, пришел папа, вежливо со всеми поздоровался, а потом обратился ко мне:

— Лена, а что это на площадке у нашей двери стоит?

Я немного растерялась, стала вспоминать, что я могла забыть в коридоре, потом решила, что это из гостей кто-то что-то оставил, и быстрее побежала наводить порядок. Выбежав на лестничную площадку, я опешила: передо мной стоял новенький, зеленый велосипед «школьник». Я в недоумение смотрю на папу и говорю:

— Это, наверное, кто-то из гостей ко мне приехал и сюда поставил, ничего, потом уберут, пусть пока постоит.

Папа улыбнулся, вернулся вместе со мной к гостям и спрашивает:

— Ребята, а чей велосипед стоит у нашей квартиры?

Гости переглянулись, пожали плечами и хором ответили:

— Не-а-а-а, не мой.

И тогда до меня начало доходить: велосипед новенький и не гостей и стоит у наших дверей, а утром подарка не было, значит?.. И широко открытыми от удивления глазами смотрю на родителей, в глазах вопрос в устах молчание. Здесь родители уже не смогли сдержать свои эмоции. С широкой и доброй улыбкой на лице они в один голос ответили на мой безмолвный вопрос.

— Да, да, Лена, это твой велосипед.

Я еще какое-то время не могла осознать всего происходящего. Да, конечно, я мечтала о велосипеде, потому что на старом маленьком велике, переделанного из трехколесного, у меня колени задевали руль, и было очень неудобно ездить, но я никогда не просила нового велосипеда. И опять я удивилась, как родители угадали с подарком, потому что именно о велосипеде я и мечтала.

Наконец, придя в себя и осознав, что у меня теперь есть большой, настоящий велосипед я попросила разрешения его обновить. Получив согласие, мы всей дружной гурьбой побежали во двор его обкатывать. Папа вынес нам, теперь уже мой, новенький велосипед, и мы по очереди катались на нем. Какое это было счастье, а сколько радости, все эти эмоции переполняли меня.

Кульминацией праздника, конечно же, было фото на память. Как я и ожидала, папа принес домой фотоаппарат и, дав нам возможность вволю покататься на велосипеде, он снова вышел во двор уже с фото и кинокамерой. Сам процесс съемок это тоже маленький и необычный праздник, в котором каждому уделяется внимание, забота, понимание и каждый находится в центре событий и чувствует себя самым необходимым, важным, значимым. Этот процесс доставлял мне массу удовольствия и на правах уже «опытного» помощника фотографа я суежилась и помогала папе, подсказывала ребятам, что когда жужжит кинокамера надо двигаться, а не стоять на месте. Вот таким мне и запомнился мой первый юбилей. Безмерно люблю родителей за их неутомимый энтузиазм и уникальную способность дарить людям праздник.

КИНО

Каждое первое сентября, начиная с первого класса 1967 года, папа снимал меня и наш класс кинокамерой. Весь отснятый материал мы всей семьей смотрели дома на импровизированном экране из белой простыни, которая вешалась на лентяйку, а лентяйка в свою очередь крепилась на трюмо. Затем на стол ставилась табуретка, на нее кинопроектор. Папа умело и сноровисто заправлял его пленкой, и мы рассаживались вокруг стола, мама выключала свет, и под жужжание кинопроектора начинался просмотр семейного кино в нашем домашнем кинотеатре. Мама и бабушка знали почти всех моих одноклассников, поэтому всматриваясь в экран, они отмечали, кто из ребят подрос, похорошел, повзрослел, возмужал, а я в свою очередь только и успевала говорить взахлеб скороговоркой: смотрите, смотрите, это у нас новый стенд, смотрите, смотрите, это у нас новые парты, смотрите, смотрите, это у нас...

Трудно словами передать ту атмосферу семейного умиротворения, которая царила в эти минуты у экрана. Для меня это были минуты счастья, радостные эмоции от того, что я видела на экране, распирали меня изнутри, мне хотелось тут же все это показать моим одноклассникам. На мой вопрос: можно ли показать фильм ребятам, папа отвечал, что он обязательно покажет, но по окончании десятого класса. Отснятый материал каждого первого сентября он монтировал, создавая фильм-летопись о нашем классе, который планировал показать на выпускном вечере. Но мне иногда в свой день рождения удавалось уговорить папу показать гостям ну хоть что-нибудь из нашей школьной жизни. Папа соглашался и показывал только последний отснятый материал, я и этому была безумно рада.

Мне тогда исполнилось двенадцать лет, день рождения как обычно проходил интересно и весело, папа согласился показать нам фильм и ушел готовить кинопроектор в маленькую комнатку, переделанную из кладовки. В комнатке не было окна, и поэтому она идеально подходила для просмотра фильма в дневное время. Мы продолжали веселиться, но с любопытством поглядывали на дверь в комнатку и ждали папиного приглашения, что бы окунуться в волшебный мир кино, где мы были главными действующими лицами. И вот долгожданный момент настал, папа вышел из комнаты и шуточно сказал: «Занимайте места, фильм начинается». Ребята поспешили в комнату, но в дверях застыли, вопросительно глядя на папу. Дело в том, что в этой маленькой комнате было две кровати — моя и бабушкина, больше туда ничего не помещалось. Папа посмотрел на ребят, улыбнулся и сказал, чтобы занимали места на кроватях, и мы в предвкушение чуда в одно мгновение уселись на них, затаив дыхание и впившись глазами в белую простыню на стене. Свет погас, и на экране появились мы, нарядные с цветами. Вот мы стоим на общей линейке, а вот идем в класс, и вот уже сидим за новенькими партами, наша классная руководительница что-то нам объясняет. Реакция на увиденное у моих гостей была разная, кто стеснительно захихикал, кто, толкая соседа в бок, радостно выкрикивал, смотри, а вот там я, а кто-то просто от удивления сидел с открытым ртом. Неожиданно раздался звонок в дверь, через минуту в дверях комнатки появилась мама и сказала, что там вызывают кого-то из гостей, а на настойчивое приглашение пройти, отказываются. Папа остановил просмотр фильма, гостя вышла выяснить, в чем дело, но очень скоро вернулась со словами:

— Гулять звали. Да не пойду, я сказала, что лучше кино про нас смотреть буду. А Ира сейчас придет, только сбегает, девчонкам скажет, что мы гулять не пойдем. И посмотрев на папу, добавила:

— Тетя Капа ее пригласила.

Иру долго ждать не пришлось, уже через мгновение мы пододвигались на кровати, освобождая ей место. Но не прошло и пяти минут, как в дверь снова раздался зво-

нок, и мама, уже никого не вызывая, провела новую гостью в наш крохотный кинозал. Не буду долго описывать, сколько раз раздавались звонки в дверь, и на вопросы:

— А Ира у вас? (Или: — Марина у Вас?)

Мама отвечала:

— Да, у нас,— и гостеприимно приглашала в квартиру, затем проводила к нам в комнату.

«Сарафанное радио» сработало оперативно, новость, что у Лены Шер, сейчас кино про нас показывают, разлетелось среди одноклассников со скоростью ветра. Буквально через полчаса больше половины класса уже уютно утрамбовалась на двух кроватях. «В тесноте, да не в обиде» мы продолжали смотреть фильм. Досмотрев фильм до конца, мы просили папу показывать все сначала, для вновь приходящих гостей. Папа вновь и вновь перематывал пленку, перезаряжал кинопроектор, успевая еще шутить с нами, мама постоянно носила нам стаканы с компотом, а мы громко наперебой делились впечатлением от увиденного и хохотали до слез от своих и папиных шуток. Закончив просмотр фильма, нам не хотелось расходиться, не хотелось, чтобы заканчивалось чудо. И опять папа нас удивил. Как по мгновению волшебной палочки у него в руках оказались бабины с мультфильмом «Ну, погоди!». Что тут произошло, передать трудно, в буквальном смысле «взрыв эмоций». Дружное «урааааа» от такой огромной компании в малюсенькой комнате заставило вздрогнуть даже стены. Испуганная, к нам в комнату заглянула мама, но папа ее успокоил.

— Капочка, не волнуйся! Все в порядке, мы продолжаем смотреть кино, вернее сейчас уже мультфильмы.

И снова погас свет и опять мы оказались погруженные в атмосферу счастья под названием «кино».

Прошло уже сорок с лишним лет, а я этот праздничный «киносеанс» вспоминаю с душевной теплотой. Сколько было радости, позитива, шуток, мне было очень приятно видеть своих одноклассников веселыми и такими счастливыми. Я была рада тому, какие замечательные мои родители, которые из всего могли сделать праздник.

СОВЕРШЕНОЛЕТИЕ

Приближалось тринадцатое мая 1978 года, приближалось мое совершеннолетие. К этому времени заканчивался мой первый год обучения в Тульском экономическом техникуме, а на следующий год я должна уехать на три года в другой город работать по распределению. В какой именно город, мы еще не знали, и будет ли возможность приехать мне домой в мае 1980 года на кругленькую двадцатилетнюю дату, тоже было неизвестно. Поэтому родители хотели как-то по-особенному отметить мое совершеннолетие. Вечерами за ужином частенько обсуждалась эта тема, но лично мне ничего особенного и оригинального в голову не приходило, а просить родителей думать о моем празднике мне не хотелось. Я предложила не мучиться в думах и отметить мое совершеннолетие в дружном семейном кругу, тем более атмосфера этого дружного семейного круга меня вполне устраивала. У нас даже обыкновенный ужин иногда превращался в семейный вечер с очень интересными беседами, воспоминаниями, рассказами, хорошим, добрым юмором с отличным, позитивным настроением.

Родители вначале согласились со мной, но потом решили, что поедем в Тулу, погуляем по парку «культуры и отдыха» и в каком-нибудь кафе съедем мороженое, тем более 13 мая выпадало на субботу, и в парке должно было быть интересно. На этом варианте мы и остановились.

И вот оно, долгожданное мое совершеннолетие. Утром, как обычно, родители поздравляли меня с праздником, пожелали всего самого наилучшего, и я пошла в тех-

никум, а родители на работу. После обеда мы с мамой и тетей, радостные в предвкушении праздника, готовились к поездке и поджидали папу, что бы всем вместе отправиться в Тулу. Но вскоре раздался телефонный звонок, и папа сообщил, что бы мы его не ждали, одевались по наряднее и ехали до конечной остановки щекинского автобуса, а не выходили на остановке у парка «культуры и отдыха». На все мамины вопросы папа отшучивался и отвечал, что он нас встретит и все объяснит.

Мы терялись все в догадках, высказывали разные предположения, продолжая наряжаться и наводить марафет. Не знаю, как взрослые, но я вся светилась от счастья с моего лица не сходила радостная улыбка, а в голове все крутились мысли, что же придумал папа? Особых нарядов, чтобы выбирать у меня не было, поэтому я надела свое голубенькое кримпленовое платье с выпускного школьного вечера, немного подкрутила кончики волос и была готова к своему праздничному мероприятию. Нарядные и все в догадках, мы отправились в Тулу.

Конечная остановка автобуса из Щекино в то время была на площади Челюскинцев и называлась «Фабрика-кухня», потому что автобусы останавливались во дворе этого здания, там находилась автостанция. На фоне старинных невысоких рядом стоящих домов здание «Фабрики-Кухни» выглядело величаво и торжественно. По тем временам это было огромное здание; в нем, как рассказывали мне родители, размещались несколько просторных столовых залов, ресторан «Упа» с банкетным залом, магазин кулинарии, пирожковая и большой кондитерский цех. Когда из Тулы в Щекино мы уезжали с конечной остановки, то обязательно заходили в кулинарию и мне покупали молочный коктейль, который взбивался на моих глазах, и от этого он мне казался самым наивкуснейшим лакомством, я пила его медленно, наслаждаясь и напитком, и тем местом, где нахожусь. Помещение кулинарии было просторное, с высоким потолком, большими окнами. Все это мне очень нравилось, и я представляла, как должно быть красиво в столовых и в ресторане.

Сделаю небольшое отступление. Площадь Челюскинцев и здание «фабрики-кухни» были показаны в советском кинематографе в фильме «Евдокия» (советская мелодрама 1961 года Татьяны Лиозновой по одноименной повести Веры Пановой).

Вот мы и в Туле, выходим на конечной остановке, нас встречает папа с цветами в праздничном костюме. Подарив мне цветы, он приглашает нас в ресторан. Мы от такого предложения немного растерялись, ведь попасть в один из лучших ресторанов Тулы да еще в субботу практически не возможно. Папа нас успокаивает, и говорит, что нас там уже ждут. Я, конечно, была растеряна, потому что первый раз в жизни иду в ресторан, да еще в тот, обстановку которого так часто представляла в детстве в своих фантазиях. Теперь я шла туда и думала, что откроется моему взору? Мы вошли в просторный, светлый вестибюль, поднялись на третий этаж, перед нами распахнулись массивные, красивые двери и я очутилась в сказке. Моему взору открылся в великолепном убранстве зал, шикарные гардины на окнах, до блеска начищенные кафельные полы, люстры, которые придавали всему помещению значимость и торже-

ственность. Все это привело меня в восторг, от которого я стояла с широко открытыми глазами от изумления. К нам тут же подошел официант, ничего не спрашивая, сразу провел нас к столику, очень вежливо сказал, чтобы мы располагались, и пожелал приятного вечера. Все еще находясь под впечатлением, мы расположились за столиком, который находился у самой эстрады и был изысканно сервирован. Через минуту к нам снова подошел официант с шампанским и с присущей ему легкостью и непринужденностью наполнил наши бокалы. Родители поздравили меня с совершеннолетием и снова удивили меня, подарив золотое колечко. Подарок был для меня очень дорог и потому что это было золото, и потому что достать его в годы повального дефицита было очень сложно. Я сразу представила, как мама неоднократно ездила в Тулу выстаивала жуткие очереди, а потом в переполненном автобусе возвращалась домой.

Вскоре пришли музыканты, заиграла музыка, зазвучали песни, мы стали танцевать, я немного скованно и растерянно чувствовала себя в новой для себя обстановке, но это быстро прошло, ведь я была с родителями, и это всегда придавало мне силы и уверенность. Великолепный праздник моего совершеннолетия прошел радужно, весело, счастливо. Все хорошее рано или поздно подходит к логическому завершению, но остается в памяти на всю жизнь как самое светлое событие в жизни.

Домой возвращались довольные и удовлетворенные удачно прошедшим вечером. Всю обратную дорогу из Тулы до Щекино я продолжала находиться в каком-то непонятном для себя состоянии: с одной стороны все происходившее было интересно, красиво, радостно и очень приятно, а с другой стороны появились какие-то новые чувства и ощущения не совсем понятные для меня.

*Мой праздник юности крылатой
С утра разбередил семью.
Всем снова стало 18,
Все счастливы, как будто мы в раю.
Вливаюсь смело в «Лигу взрослых»
Теперь могу творить, дерзать, вершить судьбу.
Увы, дни детства уже в прошлом,
О жизнь! Я начинаю лишь свою.*

Да, это были чувства смятения, я стояла на пороге новой взрослой, самостоятельной жизни, через год предстояло выпорхнуть из родительского, такого любимого, уютного, теплого, светлого гнезда, а что там впереди волновало не только меня, но и родителей. Наверное, поэтому они решили сделать мне яркий праздник, чтобы я знала и помнила: меня здесь любят и всегда ждут.

Вячеслав Михайлов

(г. Тула)

ЭКЛЕРЫ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Опубликовано свыше сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», литературном сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори» — наш постоянный автор.

С воскресной дневной тренировки шли не торопясь Юрка и Сережка: первый налегке, второй — с небольшой спортивной сумкой на плече. Настроение чудное: скоро летние каникулы, несколько футбольных турниров и столько всего! Перебирали азартно интересные моменты игры, которую тренер по обыкновению оставил на конец. Финальная эта часть тренировки была для мальчишек самой желанной, казалась скоротечной. С удовольствием гоняли бы мяч все время вместо скучных силовых упражнений, разборов игровых ситуаций, прочих занятий. Вот и теперь, не наигравшись вволю на поле, то и дело затевали на ходу перепасовку мелкими тротуарными камушками, принимали поочередно воображаемый мяч на грудь, били его головой, крутили с ним финты, мешая прохожим.

Учились мальчишки в разных школах, друзьями не были, встречались и общались только на тренировках, соревнованиях да еще изредка возвращались вместе со стадиона: кто-то из родственников Юрки жил недалеко от Сережкиной многоэтажки.

Приближался хорошо знакомый кондитерский магазин «Сдоба», аппетитно пахнущий издала, соблазнительный, манящий. У Сережки имелась заначка, и он сказал Юрке: «Зайдем». Тот сглотнул голодную слюну, хлопнул руками по карманам: «Я пустой».

— На пару коржиков у меня есть,— успокоил Сережка.

В просторном светлом павильоне со стеклянным фасадом не было никого, кроме пышной симпатичной продавщицы с благодушным лицом, идеальной хозяйки этих изобильных витрин, предлагающих торты песочные, бисквитные, торты-безе, пирожные «корзинка», «эклер», «картошка», «буше», коржи разных видов и форм — благодать для сладкоежки. Несколько лотков с пирожными и коржами были выставлены поверх витрин.

Стоя за витринами, продавщица говорила с кем-то через приоткрытую во внутреннее помещение дверь.

— Что берем, мальчики? — повернулась она к ним, приветливо улыбнувшись.

— Пару коржиков-уточек, наверное,— сказал Сережка, пересчитывая мелочь.

Продавщица опять обернулась к двери, что-то спросила. Потом скрылась за нею, предупредив громко: «Я мигом».

— Сумку открой,— процедил неожиданно Юрка.

Сереежа машинально расстегнул, а Юрка стремглав кинулся к дальнему лотку с пирожными, схватил проворно три эклера и сунул в сумку. Сереежа оторопел: в ушах зашумело, сердце загрохотало во всех сторонах, перехватило дыхание. Очнувшись через секунды, стал доставать назад пирожные.

— Ты, что! Застукает,— вцепился в его руки Юрка, с трудом удерживая их.

Сереежа рывком высвободился, полез опять за эклерами, как тут послышались быстрые шаги, и в павильон вернулась продавщица. Сереежа застыл, вытянувшись столбиком.

— Ну что, мальчики, выбрали?

Похоже, ее все еще занимала нужда, отвлекшая во внутреннее помещение. Взгляни она в Сереежины глаза, из которых били растерянность, испуг, негодование, наверняка почувала бы: что-то не то.

Юрка поспешно кивнул: «Ага. Дайте две уточки». Пока женщина заворачивала коржи, он прошептал недвижному Сереежке: «Деньги давай, и уходим». Тот пудовыми руками покорно отдал монеты продавщице, а Юрка взял коржи, вежливо поблагодарил и потянул Сереежку к выходу.

За дверями Сереежа разгневанно напустился на Юрку, толкнув его с силой в плечо: «Ты гад, Юран! Это же воровство! Пошли, вернем». Оскорбленный Юрка покрутил у виска пальцем: «Сам ты гад! Куда пошли? Не заметила же. Хочешь, чтобы шум подняла. Когда хватится, нас и не вспомнит... Да они сами лопают и списывают: просрочено там или еще чего. Нашел воровство. Ешь пирожное — повкуснее коржика». Он ловко выудил из приоткрытой Сереежиной сумки эклер, принялся смачно уплетать его.

Шума Сереежа не хотел. С ненавистью глядел на Юрку, торопливо доедающего пирожное, роняющего крем на тротуар и себя. Не выдержав этой картины, выхватил два оставшихся эклера, сунул их в руки изумленному Юрке: «На, жри!» — и пошел быстро прочь. Шагал, плохо разбирая дорогу, костерил всяко Юрку, а заодно его родно, что проживала поблизости и одарила таким попутчиком. Потом раз за разом воспроизводил в сознании происшедшее, и на душе становилось еще тяжелее, мысли мешались. Но одна стала пробиваться отчетливо: «А ты-то, ты! Такой же воришка! Мелкий трусливый воришка!.. Рядом стоял? Стоял. Сумку подставлял? Подставлял. Юрана не остановил? Нет. Воришка! С почином!»

В горячих висках лихорадочно застучал вопрос: «Как быть?! Как?!»

Несмотря на смятение, удивительно скоро нашелся обнадеживающий выход: «А так! Достать надо срочно денег — больше, чем стоят три эклера хотя бы раза в два — и отдать продавщице, повиниться, прощения попросить. Это, мол, за эклеры и штраф как бы... К маме за деньгами не пойду. Продам серию кубинских марок «Африканские хищники» — Ванька ее давно хотел, заплатит сразу... Спрашивать начнет продавщица — что да как — скажу просто: сами не знаем, как так вышло, простите — бес попутал. Пожурит, погрозит, не без этого, и отпустит. Чего ей шуметь — деньги вернули с лишком». Сереежа с облегчением поверил, что так оно и выйдет, не мешкая, взялся за исполнение задуманного.

И вот меньше чем через час с деньгами, полученными за марки, он уверенно направился к цели, широко вышагивая. Как не силился отбрыкиваться от сомнений, опасений по поводу своего решения, они таки прорывались, допекали, замедляли шаг и, добившись своего, остановили за несколько десятков метров до «Сдобы». «Ну, зайду я,— рассуждал Сереежа,— и выложу, что придумал, а она все ж возьмет и поднимет шум, хоть и милаха: Денег принес больше, чем пирожные стоят! Откупиться хочешь, хитрец! Нет, касатик. Это воровство! Мелкое, а воровство. И по закону ответишь. Дружка нет, один ответишь. Милиция разберется — по какому закону.

И в школе покраснеешь, как положено, и перед родителями». «Так и будет,— похолодел, сник мальчишка.— Мама еще поймет, а отец! А школа!»

Он прошел мимо злополучного магазина, прибавил шагу. Брел и брел по хмурому, душному городу, по самым отдаленным улицам и пыльным переулкам, волоча за собой тяжкий груз, пока совсем не устал. Упал на облезлую скамейку, вытянул гудящие ноги. Напряжение основное схлынуло, и возникли спасительные размышления: «Все ж было, как снег на голову. Я никак не ожидал, представить такого не мог... И пытался вернуть пирожные на витрину, да помешал этот... И швырнул эклеры этому... Что, надо было выложить их прямо перед продавщицей? И объяснить потом, что не верблюд?.. Короче, пирожные я не тырил, не жрал. Нечего и стыдиться, изводить себя».

Приободрившись, отправился скорей в свой двор, к ребятам. Те собирались в кинотеатр. Обрадовался случаю отвлечься, присоединился к ним. Смотрели старый фильм о войне, о партизанах, среди которых было несколько мальчишек — пионеров. Смешленные пацаны, вооруженные не хуже взрослых, бесстрашно подрывали фашистские поезда, обстреливали вражеские автоколонны, ходили в разведку в окрестные деревни, где располагались гитлеровцы, получали ранения, а одного даже убили в бою. Сережка и другие дворовые ребята не раз уже видели эту картину, и она им не надоедала. После просмотра обычно проходились по ярким эпизодам, фантазировали, как бы сами на месте героев фильма дурили и мочили фрицев, придумывали собственные ходы. Завидовали юным партизанам и непременно похвалялись, что, доведись партизанить, себя бы уж показали, без наград не остались.

Сережка незаметно ускользнул из кинозала перед окончанием фильма и побежал к «Сдобе». До закрытия оставалось немного. Дождавшись терпеливо, когда павильон опустеет и продавщица останется одна, он вошел, стиснув в ладони приготовленные деньги. Минут через пять с сияющим лицом, эклером в руке, появился на низком крыльце павильона, шагнул с него и полетел над уютным, воздушным городом.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

КРАЖА
Рассказ-быль

Член Союза писателей России, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова (2009 г.).

Полицейский* урядник Николай Иванович Сидоров еще раз внимательно осмотрел место происшествия и вышел на улицу. Затем попросил потерпевшего рабочего завода «Товарищество Гилль» Ивана Полунина закрыть изнутри дверь своей комнаты на задвижку, а когда тот выполнил его распоряжение, Николай Иванович сдвинул в сторону на двери доску и просунул в образовавшуюся щель руку. Нашупав на внутренней стороне двери засов, сдвинул его в сторону и открыл дверь.

— Вот так, Полунин, и проник вор в твою комнату,— сказал он. Затем вздыхая и чертыхаясь, достал чистый лист бумаги и чернильницу.— Ты, Иван Семенович, говори, что у тебя украли, а я с твоих слов буду записывать,— приказал полицейский.

Вспоминая лежавшие в сундуке вещи, Полунин сморщил лоб.

— Баба моя мне вещи собирала, а я теперча уже и не упомню всего,— посетовал Полунин.

— А ты память-то напряги свою и вспомни,— ухмыльнулся полицейский.

Полунин вновь сморщил лоб и, перечисляя в уме украденные вещи, зашевелил губами.

— Три скатерти, четыре расстегая ситцевых, четыре фартука, из них два шерстяных и два ситцевых, две полушапки, десять аршин плиса, полусапоги, четыре ситцевых рубахи, суконные брюки, пятьдесят аршин ситца в четырех кусках, две пары суконных чулок, аттестат,— наконец-то начал перечислять он свои вещи.

— Все? — спросил Сидоров, увидев, что Полунин замолчал.

— Вроде бы,— кивнул тот головой.

Подсчитав похищенные вещи и сверив их стоимость, Сидоров установил, что Полунину причинен ущерб на сумму сорока рублей.

— Что-то ты, Иван, вещей с собой набрал, будто бы в Сибирь собрался,— усмехнулся Николай Иванович.

— Да это все баба моя насобирала. И то возьми, и это, а я сам-то и не хотел столько вещей набирать. Баба это все... а я в ночную смену работал, а утром пришел с работы, а тут такое,— в который раз уже стал объяснять Полунин полицейскому уряднику и стоявшим рядом с ним понятным.

---

* Не путать! Сейчас время уже третьего дежавю в названии охранителей общественного порядка: царские полицейские, полицаи времен Великой Отечественной войны (что были развешаны по деревьям в 1943—44 гг.) и нынешние. В рассказе речь идет о первых.— Прим. ред.

— Да слышал я, слышал,— махнул рукой Сидоров, оборвав Полунина на полуслове.— Будем искать твои вещи, Иван.

— А мне теперча что делать?

— Тебе-то? — Сидоров усмехнулся и внимательно взглянул на Полунина. Тот съежился под его взглядом и заморгал красными из-за бессонной ночи глазами.

— Ложись спать, Иван, а мы с управляющим вашим Николаем Михайловичем на улицу выйдем, свежим воздухом подышим,— распорядился урядник и, не дожидаясь ответа управляющего, взял его аккуратно под локоть и слегка подтолкнул к двери.— Как давно этот Полунин работает на заводе? — спросил он у управляющего после того, как они вышли на улицу.

— Работает около месяца, если нужно точнее, то нужно посмотреть в учетной карточке,— ответил тот.

— А как давно он в комнату заселился?

— Всего несколько дней тому назад, до этого жил вместе со всеми в людской избе.

— А почему из людской ушел? С рабочими не ужился?

— Отнюдь, Николай Иванович, с рабочими у него как раз все хорошо складывалось.

— Тогда в чем же причина его перехода из общей избы в отдельную комнату?

— Хороший работник, специалист в своем деле, да и вещей у него много, вот мы и решили ему временно комнату выделить.

— Все понятно,— кивнул головой урядник. Они неспешно шли по территории завода в сторону правления.— Скажи, Николай Михайлович, а кто раньше в этой комнате жил?

— Жил один... насилу избавились от него,— управляющий ухмыльнулся и покачал головой,— сначала он себя хорошо зарекомендовал, а потом начал пьянствовать и на работу прогуливать, да и дебоширом к тому же, оказался, вот мы его и прогнали с завода. Коновалов его фамилия, а зовут Родионом.

— И давно вы этого Коновалова уволили?

— Недавно, несколько дней тому назад, если нужно точнее, то можно посмотреть в учетной карточке.

— А комнату он, когда освободил?

— Как мы его прогнали, так он комнату сразу и освободил.

— Откуда этот Родион будет? Не наш ли? — спросил урядник.

— Он из Богородицка,— ответил управляющий.

— Семейный?

— Нет, не женат, одинокий.

— А как он выглядит и где сейчас может находиться?

— Родя высокого роста, худощавый, лохматый и с большой бородой, а где сейчас может находиться, я не знаю,— развел руками управляющий.

Прощавшись с управляющим, урядник поговорил с рабочими завода, но новых сведений о Коновалове от них не получил. Объехав питейные заведения и предупредив их хозяев о совершенной краже, он приехал на железнодорожную станцию Ясенки. День был жарким, и стоявшее в зените солнце разогрело землю. Над железнодорожными путями витало марево, пахло креозотом и мазутом. Привязав лошадь к конюязи, Сидоров направился в станционный трактир принадлежавший купцу Пряничкову. В помещении было немногочисленно, всего несколько посетителей пили чай. Хозяин заведения стоял за барной стойкой и протирал полотенцем чашки.

— Был такой нынче поутру. В аккурат как вы, Николай Иваныч, говорите — в красной рубахе, лохматый и бородатый,— начал рассказывать Пряничков.— Зашел,

заказал чаю. Пил не спеша, все на постояльцев поглядывал, а после того, как литер подошел, вышел на улицу. Поезд, должно, ожидал, — высказал предположение Пряничков.

— Уехал, стало быть, — задумчиво проговорил Сидоров.

— А кто его знает? — пожал плечами Пряничков, наливая кипяток в чашку и протягивая ее Сидорову. — Чайку пожалте, Николай Иванович, — любезно предложил он.

— А не обратили ли вы, Антип Фролович, внимание, были ли при нем какие-то вещи? — задал вопрос Сидоров, отпивая из чашки горячий напиток.

— Были. При нем был мешок с вещами.

— А что за вещи были в мешке?

— А пес их знает? Какие-то материи. Он их из мешка доставал и предлагал кучеру.

— Какому кучеру?

— Андрею Мягкову, кучеру из Крапивны. Они вон за тем столиком сидели, — Аким указал рукой на крайний от входа стол. — Поезд из Тулы ждали. А этот в красной рубахе материю из мешка достал, показывать начал, но что именно показывал, я не знаю, мне отсюда не видать было, далече. А как поезд пришел, так они поднялись оба и ушли.

Поблагодарив Пряничкова, Николай Иванович выехал в Крапивну. Он уже давно собирался съездить в управление, чтобы получить для себя входящую почту и сдать в канцелярию исполненные документы, но все никак не мог собраться, и вот наконец-то ему подвернулся случай выехать в Крапивну.

Кучера Мягкова Сидоров допросил в полицейском управлении.

— Я чай сидел пил и ждал поезда, собирался отвезти кого-нибудь из пассажиров в Крапивну, а ентот подсел ко мне и стал предлагать купить у него вещи, достал ситец, а как я отказал ему, так он опять сунул ентот ситец в мешок, — рассказал кучер.

— А еще он предлагал вам что-либо кроме ситца? — спросил у него Сидоров.

— Нет, кроме ситца, боле ничего не предлагал.

— Что потом было?

— А опосля, когда я барина одного в Крапивну повез, увидел, как мужик ентот по дороге в сторону Колпны пошел.

«Значит, Родион Коновалов с поездом не уехал, а пошел по дороге в сторону Новой Колпны. Почему же он не уехал? Что его здесь держит? Хочет сбыть ворованные вещи, а затем уехать? Или он вообще не собирается отсюда никуда уезжать? Снимает у кого-то квартиру? Управляющий заводом говорил, что Родион не женат, а потому может прижиться у какой-нибудь женщины? У кого же он может находиться? Да, женщина! Его здесь может держать только женщина. Возможно сообщница, а значит, либо он, либо она будут пытаться продать ворованные вещи. А почему собственно — продать? Такие вещи могут и самим сгодиться», — рассуждал Сидоров, возвращаясь из Крапивны в Колпну. Вечерело. Солнце уже успело остыть и усесться на верхушки деревьев стоявшего за полем леса. Укатанная сотнями повозок крапивенская дорога, петляя между редкими рощицами и полями, то поднималась в гору, а то резко шла вниз к бежавшим под бревенчатые мосты журчащим речушкам. В низинах уже улегся вечерний туман, и когда урядниковая лошадка сбегала вниз, от тумана и речной воды начинало потягивать прохладой. Николай Иванович поеживаясь, подстегнул лошадь. «А ну пошла, милая», — вполголоса произнес он. «Но, если Родион уже пытался продать краденые вещи, и ему это пока не удалось, то он наверняка попытается это повторить. Нужно предупредить трактирщиков», — вновь начал рассуждать урядник.

В Новую Колпну он въехал, когда солнце уже скрылось за косогором и на улице начинало смеркаться. Подъехал к трактиру Зябрева и осадил лошадь. Соскочил с

пролетки, привязал лошадь к коновязи и вошел в помещение. В питейной избе было многолюдно и шумно. Старые и молодые, обросшие бородами мужчины и безусые юнцы, пили вино и пиво, закусывали солеными огурцами и квашеной капустой. Над потолком витал сизый табачный дым, пахло табаком, пивом и прокисшими щами. Между столами лихо летал с подносом работавший в трактире официантом мальчик лет двенадцати, разнося посетителям графины с водкой и миски с огурцами. Николай Иванович прошел в комнату хозяина заведения, где еще раз напомнил трактирщикам приметы Коновалова и похищенных вещей.

— Думаете, Николай Иванович, он придет? — хитро улыбаясь, спросил у Сидорова Зябрев.

— Придет,— кивнул головой Сидоров,— обязательно придет, я уверен.

— Ну, пока мы его будем ждать, не соизволите ли откушать? — предложил трактирщик.

— Давай,— махнул рукой урядник.— Только не просмотреть бы его,— озабоченно произнес он.

— Не извольте беспокоиться, господин урядник, мальчик, что между столами с подносом бегаёт, обязательно предупредит нас о его появлении,— уверенно произнес Зябрев и Сидоров, поверив ему, успокоился.

Но не успели они выпить по фужеру вина, как в комнату вбежал мальчик.

— Пришел! — выпучив глаза, сказал он.— Вон там, у буфетной стойке стоит.

Сидоров и Зябрев слегка приоткрыли дверь комнаты и незаметно взглянули в зал. Да это был он — Родион Коновалов. Только поверх красной рубашки-косоворотки на нем был надет жилет.

— Ну что, Николай Иванович, будете брать его? — спросил Зябрев.— Могу дать в помощь своих рабочих,— предложил он.

— Ни в коем случае,— ответил урядник.

— Как же так?! — неподдельно удивился Зябрев.

— Вещей при нем нет никаких, какой смысл его сейчас брать? Он отопрется от всего, а где вещи спрятал не скажет, и я буду вынужден его отпустить, а уж тогда мы вещи точно не найдем никогда, он их либо спрячет, либо уничтожит. Поступим вот как...

Сидоров и Зябрев ждали долго. Коновалов пил вино и закусывал неспешно, долго разговаривал с сидевшими с ним за столом посетителями, раскуривал папиросы. Наконец он, насытившись, поднялся из-за стола и слегка пошатывающейся походкой, направился к выходу. Следом за ним незаметно вышел один из рабочих трактира. Спустя полчаса он вернулся.

— Все, можно идти, я покажу дом, в который он зашел-с,— доложил он.

— А предупредил ли ты управляющего завода Головтеева, о чем я тебя просил? — задал ему вопрос Сидоров.

— Да-с. Они все будут ждать вас, господин урядник, подле вашей лошади,— ответил тот.

На улице уже стемнело, и лишь при свете бледноликой луны были видны очертания деревенских изб. На черном ночном небосводе мерцали звезды. У указанного Петруней дома, урядник остановил лошадь.

— Так вот он у кого скрывается, у Елизаветы Васильевны! Ах, Лиза, Лиза! Вот я ж тебе задам! — в сердцах проговорил Сидоров.— Ты, Петруня, иди. Не нужно, чтобы они тебя видели,— распорядился он и, следивший за Коноваловым парень, скрылся в темноте.

К дому подошли под неистовый лай собаки. Света в доме не было, и волостной старшина Дудин постучал в окошко. Вскоре в оконном проеме показалась освещенная керосиновой лампой взлохмаченная женская голова.

— Кто там? — послышался из-за стекла ее приглушенный голос.

— Лиза, позови Родю, у меня к нему дело,— произнес Дудин, отодвигаясь от направленного на него света в глубину палисада.— Родю! — вновь повторил он.

Елизавета отошла от окна и на прижавшихся к стене людей вновь напозла темнота. Словно предупреждая хозяев об опасности, неистово лаяла собака. Ее лай подхватили собаки от соседних изб. Наконец-то сквозь громогласный собачий хор в сенцах послышались шаги, громыхание ведра, скрип дверного засова, после чего отворилась входная дверь, за которой прятался полицейский урядник. Вышедшего Коновалова скрутили быстро. Связали ему за спиной руки, затащили в дом и усадили на лавку у печи, добавили огня.

— Он это, Коновалов,— произнес Головтеев, освещая лицо Родиона лампой.

— Так, Лизавета, гостя твоего, Родиона, мы с собой забираем, а ты давай носи нам его вещи, с которыми он к тебе пришел,— распорядился Сидоров.

— Это которые? — спросила растерявшаяся от произошедшего Елизавета.

— Которые он в мешке хранит,— подсказал ей Сидоров.

— Так вон они в сундуке лежат,— указала Елизавета рукой в сторону стоявшего в углу комнаты сундука.

Сидоров подошел к сундуку и, открыв крышку, достал из него вещи.

— Мои! Это мои вещи! — закричал обрадованный Полунин.

— Эти вещи не мои! Я к ним не имею никакого отношения! — крикнул Коновалов и заерзал на лавке.

— Не твои? Стало быть, эти вещи принадлежат Лизавете? — спросил Николай Иванович.

— Не знаю,— Коновалов отвернулся и стал отрешенно смотреть в сторону темного окна.

— Выходит дело, это ты, Лизавета, вещи своровала вот у этого господина,— обратился Сидоров к Елизавете, указав рукой на Полунина.

— Да ты что, Николай Иваныч?! Я солдатка вдовая, а не воровка! Мужика могу в дом привести, а чтобы своровать у кого?! Ты в своем ли уме, Николай Иваныч?

— Тогда, чьи эти вещи?

— Это его вещи,— Елизавета кивнула в сторону Коновалова.— Это он их ко мне в дом принес.

— Ты вот что, Лизавета, собери-ка нам все его вещи, которые он принес к тебе в дом, мы их с собой возьмем, а ты сама назавтра придешь ко мне в участок, я с тебя показания снимать буду,— распорядился урядник, и Елизавета, кивая головой, начала собирать в мешок вещи.— Ну, а ты, Родион Коновалов, поедешь с нами,— повернулся он к Коновалову.

В участке Николай Иванович посадил Коновалова под замок в арестантскую комнату, поблагодарил за помощь заводского управляющего Головтеева и волостного старшину Дудина и после подписания ими протокола отпустил их домой.

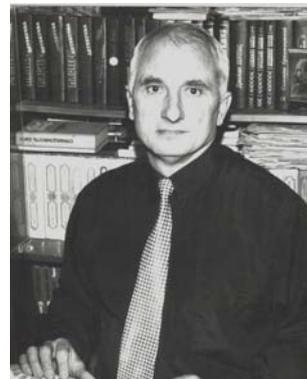
— А ты, Иван Семенович, просмотри все свои вещи, какие имеются, а какие отсутствуют, а я пока буду протокол составлять,— обратился Сидоров к Полунину, а затем взял чистый лист бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, начал писать: «1899 года августа 17 дня полицейский урядник Сидоров составил настоящий протокол в следующем: крестьянин деревни Сорочинка Ржавской волости Крапивенского уезда Иван Семенов Полунин, живущий на заводе «Товарищество Гилль» при Новой Колпне Ясенковской волости, заявил, что ночью на 27 августа сего года из сундука, находившегося в чулане при его квартире, причем сундук был не заперт, совершена кража имущества принадлежавшего Полунину. Дознанием и розыском обнаружен подозреваемый крестьянин Коновалов, который 17 августа был в постоялом дворе

при станции Ясенки и предлагал купить у него кусок ситца крапивенскому кучеру Андрею Мягкову живущему в Крапивне, но Мягков купить отказался. Кроме ситцу у Коновалова был еще мешок с какими-то вещами. Затем Коновалов возвратился в Колпну, где был позже и задержан. Опрошенный подозреваемый в краже крестьянин села Новоселок, Курапинской волости, Богородицкого уезда Родион Коновалов в краже не сознался. По осмотру помещения, где хранились вещи потерпевшего Полунина, в присутствии управляющего завода «Товарищество Гилль» Николая Михайловича Головтеева оказалось, что они хранились в сундуке. Постановил: о сем записать в протокол, который передать на рассмотрение Ясенковского волостного суда.

Уже на следующий день управляющий завода «Товарищество Гилль» Николай Михайлович Головтеев в виду серьезности произошедших событий предоставил рабочему завода Ивану Семеновичу Полунину отгулы за свой счет, и тот немедленно выехал в Сорочинку. Он решил отвезти домой неожиданно утраченные и чудом возвращенные свои вещи. Возница, бородатый сорочинский крестьянин, приехавший в Колпну на ярмарку, и согласившийся подвезти Полунина домой, подгонял вожжами свою и так резво бежавшую лошадку и рассказывал ему о своей жизни, но Иван его не слушал. Он лежал на соломе и, закинув руки за голову, смотрел в небо. Иногда он поднимал голову и смотрел на лежавший рядом с ним мешок с вещами, словно вновь боясь потерять его, а убедившись, что мешок на месте, ощупывал его, после чего вновь закидывал руки за голову. Он уже знал, что обязательно расскажет своей любимой жене Марии о своих приключениях. Обязательно расскажет ей о полицейском уряднике Сидорове, который вернул ему его похищенные вещи и о воре Коновалове. Затем в сердцах и беззлобно поругает жену для порядка за то, что слишком много наложила ему с собой в Колпну ненужных вещей, ну а потом, конечно же, обязательно прижмет к себе свою ненаглядную, и они порадуются вместе за то, что все так хорошо закончилось. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

В КУПЕЛИ БЕЛЫХ ЧЕРЕМУХ

Родился в 1947 году на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Работает учителем истории и права в школе-интернате. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Сельская новь» и др. Лауреат литературного конкурса журнала «Милиция» (2007), Дипломант Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья!» (2014), Лауреат Международного литературного конкурса военных писателей и журналистов «Свет Великой Победы» (2015). Финалист IV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (номинация «Литература для юношества») (2013). Автор семи сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Член Правления Брянской областной писательской организации.

Весна вихрем ворвалась в город. На исходе марта установились погожие дни, и щедрое солнце усиленно сушило вешние воды, отогревало землю, оживляло природу.

Так длилось весь апрель, а в начале мая все вокруг окрасилось в яркие зеленые цвета. За городом, в пойме реки Десны, на зеленом луговом ковре вспыхнули желтые огоньки одуванчиков. А по-над рекой закружились молодые ивы, распустили длинные косы березки, в белые одежды облачились кусты черемушника, расточая на всю округу дурманящие запахи.

Заядлый рыбак Федор Асмолков, тридцатилетний хорошо сбитый мужик с добрыми светлыми глазами, цвета вешней воды, все свободное время проводил на реке. В пору цветения черемухи хорошо шла на удочку белая рыба — язь, плотва, елец, голавль, уклейка.

Едва река входила в берега, Федор, захватив свои нехитрые снасти — телескопическую удочку, набор крючков, грузил, поплавков и небольшую подхватку, чуть свет направлялся к мосту через реку, чтобы перебраться на другой берег, густо поросший лозняком, ивой и черемушником.

В то погожее майское утро Федор встал по обыкновению рано, наспех перекусил и хотел тайком улизнуть из дома. Но жена проснулась и добродушно спросила:

— Опять на весь день — от зорьки до зорьки? А я все одна и одна...

— Надюша, сегодня обещаю вернуться пораньше, — заверил жену Федор.

За рекой, на высоком взгорье, виднелось большое старинное село Покровское, с полуразрушенной церковью — памятником архитектуры семнадцатого века. Федору

доводилось бывать в этом живописном селе. Из Покровского была родом его жена, рано оставшаяся сиротой.

Окончив ПТУ, Федор был призван на Северный флот. А после увольнения в запас устроился на завод токарем. Там и положил бывший моряк глаз на молодую станочницу Наденьку Тихомирову, стройную, как осинка, блондинку, с косой по пояс, в руках у которой работа спорилась.

Федор долго любовался девушкой издалека, а когда осмелился и проводил домой, то немало узнал о ее нелегкой судьбе. Мать Нади тяжело болела и ушла рано, когда девочке не было и десяти лет. Отец попытался заглушить горе вином. Возвращаясь с работы в сильном подпитии, свалился с моста в ледяную воду и утонул в реке. Надю, оставшуюся сиротой, направили в детский дом, где девчушка хлебнула горя по самые глаза.

Федора глубоко тронула судьба девушки и в его сердце закралась жалость к ней, а она, как известно, первый признак настоящей любви. Надя жила на частной квартире, скудно питалась, одевалась скромно. Федор решил, что отныне ответственен за благополучие девушки, судьба которой оказалась так немилостива к ней. Парень был предельно внимателен к Наде, на каждое свидание приносил ей сладости, а с получки небольшие подарки, чем еще больше расположил девушку к себе.

Асмолков все чаще задумывался, как в дальнейшем облегчить Надину жизнь. Но о женитьбе пока не помышлял — сам еще не встал, как следует, на ноги. Однако, видя, как за красавицей Надюшей увиваются ребята в цеху, Федор, боясь потерять девушку, все же решился на ответственный шаг, будучи уверенным в том, что без Нади ему не прожить.

Мать Федора — Тамара Михайловна, не одобрила выбор единственного сына — бесприданница невестка ее не устраивала. И Федор, опасаясь, что Наде тяжело будет ужиться со сварливой свекровью, принял решение сразу же после свадьбы уйти с женой на частную квартиру.

Трудно пришлось молодым в первые годы совместной жизни. За непослушание, родители помощь сыну не оказывали, и молодоженам приходилось рассчитывать только на себя. А своих средств едва хватало, чтобы свести концы с концами.

Но тут умерла бабушка Федора — Дарья Семеновна, горячо любившая внука. Как это ни прискорбно звучит, но старушка, уйдя в иной мир, облегчила участь молодой семьи, оставив в наследство внуку свою хибару.

Федор сумел потихоньку наладить старую избу — благо руки у него были хозяйские: подвел новый фундамент, заменил подгнившие бревна, сменил подоконники и лутки, вставил новые рамы, обшил стены вагонкой, перекрыл шифером крышу. И дела у Асмолковых пошли на лад.

Теперь можно было подумать и о первенце. Но тут у Надюши раз за разом случилось два выкидыша. А потом она долго лежала в отделении гинекологии городской больницы, надеясь с помощью врачей все исправить. Но при выписке слова лечащего врача не оставили никаких надежд: «Весьма сожалею, но у вас нет шансов, чтобы иметь своего ребенка...»

Надюша тайком плакала, виновато прятала глаза, а Федор всячески успокаивал жену и убеждал, что следующей весной аист обязательно принесет им первенца. И сам свято верил, что в их доме рано или поздно зазвенят детские голоса и их жизнь наполнится новым смыслом. Однако время шло, и с каждой весной их надежды на первенца таяли как прошлогодний снег. Надюша, чувствуя свою вину, замкнулась и все больше уходила в себя, постепенно отдалялась от мужа. А Федор не знал, как ее утешить, как облегчить ее страдания.

Чтобы не видеть Надиных глаз, полных отчаяния и тоски, Федор уходил на реку.

Там он был в своей стихии и на время забывал о беде, о глубокой печали в глазах жены, а если и вспоминал, то с верой в то, что все непременно наладится. «Если жить правильно, по совести, то всегда можно надеяться на перемены к лучшему,— утешал себя Федор.— Врачи ведь тоже люди и тоже ошибаются...»

На реке Федор давно облюбовал себе укромное место и с той поры старался его не менять. Особенно хорошо здесь было по весне, в дни обновления природы и буйного майского цветения.

Устроившись на старой поваленной раките, среди белых, словно заснеженных ветвей черемухи, Федор, налаживал снасти, готовил наживку и забрасывал удочку под пышный ивовый куст, купающийся в тихой заводи.

Цветущая черемуха искрилась на солнце белыми хлопьями, пьянила и дурманила сладким ароматом, навевала светлые мысли, вызвала приятные воспоминания о первых свиданиях с Надей, о первом поцелуе...

Но предаваться воспоминаниям мешала поклевка, которая в это яркое весеннее утро была на редкость отменной. Федор едва успевал снять блеснувшую на солнце чешуей плотвичку и наладить новую наживку, как поплавок вновь уходил под воду. Федор резко подсекал, и над водой извиваясь и блестя серебром, взмывала новая рыбешка. Федор наблюдал, как в чистой заводи играла стая ярких рыбешек, мелькая темными спинками и красными плавниками, ловко заглатывая при этом его подкормку.

Федор так увлекся, что не сразу услышал, как в зарослях черемухника, кто-то тихо пропищал. Федор прислушался. Писк повторился. «Не могу понять, что это? Птица — не птица?» — подумал про себя рыбак и вновь прислушался. Теперь ему показалось, что этот звук принадлежит младенцу.

Федор обернулся и вновь прислушался — слабый писк повторился. «Может, от черемухового дурмана моя голова пошла кругом?» — мелькнула догадка у рыбака.

Федор встал, воткнул в землю удилище и направился в зеленую чащобу. Не пройдя и десятка шагов, под старым раскидистым деревом, на белой простыне из опавших лепестков черемухи, он заметил розовый сверток.

Федор подошел поближе и увидел грудничка. Судя по всему, это была девочка. Она смотрела на него, не мигая, широко распахнутыми глазами. На пухлых щечках ребенка блестели прозрачные бусинки слез. В одной из этих бусинок барахтался маленький коричневый муравей. Рядом лежала пустышка.

Федору послышалось, что неподалеку кто-то прошел, хрустя валежником. Он сорвался с места и, раздвигая ветви кустарника, бросился в сторону тропинки, петляющей вдоль реки. Тропинка была пуста. «Наверное, показалось», — подумал рыбак.

Асмолков вернулся назад и заглянул под куст черемухи, укрытый крупными белыми гроздьями. Сверток лежал на прежнем месте. Лицо девочки было красным. «Видимо, от крика», — подумал Федор. Девочка вновь пискнула. Федор робко шагнул к ней, поднял сверток на руки. Подолом рубашки осторожно вытер лицо девочки, затем вытер и поднес к губам пустышку. Девочка приняла ее и сделала несколько сосательных движений.

Федор чуть отвернул краешек одеяла, закрывавший лицо девочки и оттуда выпала записка — тетрадный лист в клеточку, сложенный вчетверо. Федор поднял записку, развернул. На листке небрежно было нацарапано: «Мне ребенок не нужен. Я от него отказываюсь. У меня он все равно погибнет. А утопить его я не могу». Внизу стояла неразборчивая подпись.

Некоторое время Федор стоял молча, смотрел на девочку и о чем-то размышлял. И вдруг рукой почувствовал, что одеяло девочки снизу мокрое.

— Описалась, бедняжка! Надо скорее бежать до дому,— вслух произнес Федор, словно подав себе команду.

Он решительно сунул записку в карман, вернулся к заводу, смотал одной рукой удилице и стал пробираться сквозь густые кусты, оберегая розовый сверток, словно драгоценную хрупкую кубышку, готовую рассыпаться от любого неловкого движения.

Встречные прохожие с удивлением смотрели вслед рыбаку, когда он с удочкой на плече шагал в сторону города, прижимая к груди сверток с младенцем, закутанный в куртку-ветровку.

— Вот Надюша, нам Господь послал за наши страдания,— протягивая жене сверток, с дрожью в голосе произнес Федор и смахнул рукавом пот со лба.

— Откуда это? — всполошилась Надя, принимая сверток и глядя на мужа встревоженным взглядом.— Где ты взял это милое глазастое существо?

— Все потом объясню,— сказал Федор.— Сейчас надо перепеленать — она вся мокрая, а то не ровен час, еще заболит...

Надюша засутилась, уложила ребенка на кровать среди пухлых подушек, дрожащими руками достала из комода припасенное детское белье — пеленки, распашонки, пинетки, шапочки. Быстро приготовила ванночку с теплой водой, распеленала девочку. Вместе с Федром искупали крошку. После водной процедуры Надюша укутала малышку в вафельное полотенчишко, тщательно вытерла, переодела, дала пустышку. А Федор тем временем хлопотал у плиты — готовил кипяченое молоко.

Девочка слегка попискивала, но все процедуры перенесла терпеливо, а когда напилась тепленького молока, тотчас уснула среди пуховых подушек.

Надюша присела рядом на кровать, стараясь не дышать на ребенка.

— Ну и где ты нашел эту кроху? — вновь взволнованно спросила она, не отрывая взгляда от нежного лица девочки.

— Там, на берегу, в зарослях белых черемух,— показал рукой Федор в сторону реки.— Поначалу глазам своим не мог поверить. Думал, что это галлюцинации от сладкого черемухового дурмана, на котором настоян воздух у реки. Потом попытался отыскать того, кто оставил ребенка на произвол судьбы. Но где там. Этого бессердечного человека след простыл...

— Ой,— воскликнула встревоженная Надюша.— И я не могу поверить! Такую кроху на произвол бросить. А к нам не предъявят претензий? — испуганно посмотрела она на мужа. Вдруг обвинят в краже чужого ребенка. Как мы тогда докажем свою невиновность?

— Не волнуйся понапрасну. Никто нас не тронет. Я всю дорогу думал о том, как могло случиться, что именно нам, бездетным, ребенок будто бы с небес свалился. И пришел к выводу, что кто-то сделал это преднамеренно — подбросил ребенка, зведомо зная, что своих детей у нас нет. И зная нас, был уверен, что мы его не оставим, обязательно подберем, вырастим и воспитаем это милое дитя...

— Неужели следили за тобой, изучали места, где ты бываешь? — с изумлением посмотрела Надюша на Федора.— А ведь могли поступить и по-другому — например, положить сверток с девочкой нам на крыльцо, но, видно, испугались, что здесь их кто-то заметит.

— Вполне возможно. Но все это могло произойти и случайно — так, видно, бог повелел. Но теперь это не важно. Главное, что ребенок не пропадет — он в надежных руках.

— Но ведь могут отобрать — не поверят, что все так вышло,— с горечью сказала Надюша.

— А у нас, на этот случай, имеется охранная грамота,— загадочно улыбнулся Федор.

Одним движением, словно фокусник, Федор извлек из кармана записку и протя-

нул жене. Дрожащими руками Надюша развернула листок, быстро пробежала глазами неровные строчки и заплакала.

— А вот это зря,— обнял жену Федор и прижал к своей широкой груди.— Не надо плакать, а то дочка проснется. Лучше подумай, как мы ее назовем. Я предлагаю назвать Майей. Очень красивое, светлое, весеннее имя. Ты не против?

— Нет, не против,— прошептала Надюша, одарив Федора ласковой, благодарной улыбкой.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

СОЛНЕЧНАЯ

Врач-кардиолог. Литературной деятельностью занимается с 2011 года. Автор свыше 270 литературных публикаций в периодике России и русскоязычных изданиях Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Финляндии, Германии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля, Чешской Республики с тиражом около 4000000 экз. Серебряный лауреат Второго Международного литературного конкурса «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка». (2006 г.) Серебряный призер литературного конкурса журнала «Нива» город Астана, Казахстан. (2010 г.) в номинации: короткий рассказ.

*«Когда я увидел тебя, я влюбился.
А ты улыбнулась, потому что ты знала»*

Вильям Шекспир

Существует догадка, лишь предположительная и далеко не полно все объясняющая, что душа — это электрохимическая песня сомы, тела человеческого. Тогда любовь — нечто иное, как песнь самой души. Но, как ни крути, тело механистично, хотя и не тупо примитивно, оно очень сложная саморегулирующаяся система, нагруженная готовыми генетическими программами на все случаи жизни. Любовь — одна из них, не самая простая, даже, скорее, наиболее труднообъяснимая, но, одновременно и самая прекрасная. Вожделение, страсть, желание приблизить к себе не только тело, но и душу полюбившегося человека — лишь отдельные составляющие ее великой сущности. Нужно сочетание определенных редчайших, никому не ведомых условий, квадратура круга или чаша Грааля, чтобы программа любви включилась по полной, а не в демо-версии. Если фрагментов мозаики не собирается достаточно — любовь оказывается ущербной, но обладатель этой сбившейся программы, вряд ли сможет догадаться о ее неполноценности. Ведь в этом случае, даже частично собранные пазлы вполне могут дать своему составителю ощущение счастья.

Они несколько раз встречались на одном и том же месте, словно такое странно повторяющееся столкновение незнакомой прежде пары было хитро задумано и воплощено в жизнь скрытым от их глаз режиссером. Он спускался с верхнего пролета лестницы, предвкушая пару свободных суток после очередного дежурства, она шла на работу, далеко не в лучшем настроении, но, завидев его, непроизвольно улыбалась. Ее внешне беспричинная улыбка выглядела искренней и милой, улыбкой ни в чем ни от кого не зависимого человека, тем более, от того, кому она сейчас адресовалась. Не ответить на такое приветствие никак не представлялось возможным.

Они встречались снова и снова на узорчатом полу прямоугольной площадки, ко-

гда она заворачивала к последнему пролету широкой каменной лестницы со старинными литыми перилами. Из огромного окна за ее спиной солнце низвергало вниз водопад слепящих лучей, лишь слегка ослабленный непрочной преградой в виде редкой кроны растущего снаружи вяза. Они падали на девушку сзади, обтекали волосы, плечи, всю фигуру, образуя единую сияющую ауру вокруг контуров тела. Смотрящему на нее против солнца казалось, что он видит лучистый нимб, наподобие изображаемых на церковных иконах, только разросшийся и перешедший с головы на плечи, руки, до самых мизинцев загорелых ступней в открытых летних босоножках. Солнечные брызги оставались в ее темных волосах с легким медным оттенком, то ли природным, то ли полученным от недавно использованного шампуня. Для него не имело никакого значения, что послужило тому причиной, но частицы падающего света, сливаясь на краткий миг с этим красноватым отсветом, придавали переливам волос недолгое сияние подлинно червонного золота. И вся она выглядела в эти чудесные мгновения светлой, легкой, светящейся, абсолютно солнечной девушкой.

На тонком безымянном пальце зеленовато поблескивало маленьким изумрудом изящное золотое колечко, не какая-то поделка со стекляшкой. И пальцы оканчивались тонкими, ненавязчиво, не броско, но аккуратно наманикюренными ноготками, один вид которых по неизвестной причине всякий раз почему-то вмиг заставлял сжиматься его сердце.

— Привет!

— Привет!

— Как дела?

— Ничего. Спасибо. А у вас?

Вот из таких незамысловатых высказываний обычно и состоял весь их короткий диалог на массивных каменных ступенях старинного трехэтажного здания.

Если мимо проходил кто-то третий, они, не сговариваясь, использовали иные разговорные средства, недоступные тем, кому их разговор не предназначался:

— How are you?

— Well... Thanks. And you?

— Me too...

— I am glad...*

Когда он впервые при появлении вблизи лишних ушей обронил английскую фразу, солнечная девушка нисколько не удивилась и моментально ответила тем же. Его бытовой разговорный инглиш оказался вполне понятен и доступен для нее, это стало приятным сюрпризом и сблизило их, независимо от смысла или бессмысленности произносившегося.

Так и происходило снова и снова. Эти редкие случайные свидания на лестнице, вроде бы ничего не значили, и не могли ничего значить, но для него каждая из нескольких минут, когда перед ним оказывалась солнечная девушка, надолго отпечатывалась в памяти ощущением светлого праздника. Ни он, ни она поначалу даже не интересовались именами друг друга, совершенно не ощущали такой потребности. Поэтому и познакомились только на третий или четвертый раз, чтобы как-то обратиться при новых встречах, на которые оба неосознанно надеялись.

К сожалению, время их работы никогда не совпадало, и с этим, похоже, ничего нельзя было поделать. Он опасался, что любое приближение к солнечной девушке обязательно разрушит незримо установившееся между ними в короткие нечаянные

---

* — Как дела?

— Хорошо... Спасибо. А у Вас?

— У меня тоже...

— Я рада. (англ.)

рандеву на ходу, хотя никогда прежде не испытывал робости или нерешительности ни с одной из женщин. Огромная разница в возрасте представлялась для него главным и совершенно непреодолимым препятствием.

Но ей виделось совершенно иначе, и она сама сделала первый шаг навстречу. Однажды вместо ответа на привычный, ставший для них ритуальным вопрос девушка попросила его подождать на выходе.

— Я сейчас, мигом. Только заберу документы...

— Что так? — удивился он.

— Поступила в институт на очное...— пояснила она с безмятежной улыбкой, моментально растопившей его надуманную тревогу.

Он дождался ее возвращения, и этим утром они впервые пошли вместе, чтобы уже не расстаться. И никогда об этом не пожалели даже спустя дюжину лет. Солнечная девушка на самом деле оказалась его любимой и неповторимой солнечной женщиной, сохранившей свет даже в самые ненастные дни.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ЭМИГРАНТЫ ЗЫБУЧЕГО ВРЕМЕНИ
Главы из романа нашей жизни (1914—2014)
с фрагментами авторских очерков, эссе и рассказов

«Правды об Израиле не существует, существует две правды об одном Израиле», — написал я вскоре после прибытия в страну в 1978 году, и с этим, читая свое давнее эссе, обнаруженное в архиве, готов согласиться даже сегодня.

ДВЕ ПРАВДЫ

Коль скоро каждый еврей имеет два мнения, почему бы ему не создать — про запас, на всякий пожарный случай — две правды об Израиле.

Правду устремленных на Землю обетованную.

И правду устремленных с Земли обетованной в Соединенные Штаты, Германию, Австралию, на Маркизовы острова, Марс, Юпитер.

Зачастую обе правды гнездятся в одном, распухшем от Сократовых дум мозгу. В каждом полушарии — своя.

Эти обе правды мирно сосуществуют, как наша Вселенная с Антимиром.

Эти правды сообщаются через кровеносные сосуды, очищаясь при помощи незримых катализаторов, как действительность советского образа жизни от газетно-журнальной интерпретации.

И потому птенец, выношенный мозговыми полушариями, не летает, не ходит, не ползает. Питаемый слухами, он только болезненно шебуршит в черепе, под лобовой, танковой прочности костью. И попискивает на два голоса: «а что я говорил тебе!» — когда репатриант удачно вписывается в новую жизнь. Или то же самое: «а что я говорил тебе!» — но с иной интонационной окраской, когда ему худо, а родственник либо приятель присылает из благословенной Америки эпистолярный гимн во славу своих материальных потребностей и фотку, на которой изображен рядом с шикарным «фордом» последней модификации.

Человек раздваивается. И в зависимости от того, как аукнется на нем последнее повышение цен на бензин, выкладывает своей честной компании очередное мнение об Израиле, порой противоположное вчерашнему. А через день, удачно сыграв на бирже, он возвращается на исходные позиции. Но будет день, и будет ночь, и послезавтра окажется выбитым в результате психической атаки базарного торговца, отстаивающего до последней капли крови, выпитой у репатрианта, названную цену на апельсины, бананы, манго, гранаты, птичье молоко.

— Ну и страна! — завершит в мозгу птенец.

— Нет, этот балаган — не Америка! — перейдет он на второй голос.

И будет прав с точки зрения человека, ибо человек живет не собой, а восприятием упитанного, как мозговая опухоль, птенца.

— Что за жизнь, когда жизни нет!

А жизнь — штука древняя. Не сегодня придумана, не завтра превращается в сказку, в особенности, если только ради нее человек перевалил через границу, провезя в куче сомнений жемчужное зерно надежды.

Человек идет по жизни. Под ноги не смотрит — потому что счастье на дороге не валяется.

Человек смотрит вдаль.

Можно подумать, там он различит свое счастье.

Однако и там он ничего не различит, кроме горизонта.

«Горизонт отходит. Я за ним», — написал, будто напутствуя, Михаил Светлов.

Как часто мы поступаемся реальной жизнью ради эфемерного будущего.

Мы не умеем жить, чтобы жить. Жить изо дня в день, ежечасно. Радоваться солнцу, воздуху, удачной фразе. Все это для нас не жизнь.

Жизнь для нас начинается за новым поворотом.

Вот и кружимся, кружимся, не сознавая, куда идем по кругу.

Вспомним Асеева:

*Был ведь свод небес голубой?
Был ведь в скалы морской прибой?
Будь доволен своей судьбой —
Оставайся самим собой.*

Быть самим собой?

Как нам быть самими собой, когда мы — рабы мимикрии — все еще советского образца?

Нас тянет извратиться-превратиться — каждый во что горазд. Лишь бы держать экзамен на аттестат зрелости перед другими, не перед самим собой.

Две тысячи лет мы держали экзамен перед другими.

В Израиле нет других.

Две тысячи лет мы плутали по лабиринту, всячески избегая ловушки.

И вдруг как бы сами себя загнали в ловушку — быть самими собой.

Уходить от себя — пожалуйста.

Основывать новую религию — это мы можем. Вот вам Иисус Христос и первые его последователи-апостолы.

Открывать Америки — всегда рады. Вот вам Колумб.

Ломать привычные догмы — будьте любезны. Вот вам Барух Спиноза.

Создавать революционные теории — со всей охотой. Вот вам Карл Маркс.

Все на благо прогресса, все на благо миру.

Уходить от себя...

А приходиться к себе?

Разучились!

Быть самим собой — это видеть себя наяву. Своими глазами.

Мы настолько привыкли быть не целым, а частью, что и здесь, в Израиле, облачаемся в одеяния национальных меньшинств.

Но и этого мало. Дробимся дальше — на американцев, французов, марокканцев, русских. Русские еще — на грузин и бухарцев, а после этого на землячества — украинское, латвийское, аргентинское...

Достаточно? Нет, микромир — тот же беспредельный космос. И создаются сообщества — московское, питерское, рижское, минское, киевское...

Репатрианты превращают себя в эмигрантов. Настойчиво. Целенаправленно. Продуктивно.

Иначе еврею невозможно. Две тысячи лет он был эмигрантом. Как же ему уйти от застарелых привычек?

Пусть Израиль хоть сто раз назовет себя исторической родиной. Это ничего не меняет. Паспорт не превращает галутного еврея в израильтянина. Он только способствует переходу к самому себе.

Жизненный путь... Сами ли мы его выбираем? Не чаще ли он выбирает нас?

Легко воскликнуть: «Убей в себе эмигранта!» А легко ли убить, если над ухом назойливый гудеж из толков и пересудов?

— Вы знаете, Софа...

— Да. А что?

— Чтоб мне с места не сойти, Америка действительно страна неограниченных возможностей. Миша поехал туда...

— И не прогадал?

— Вы знаете...

— Да. А что?

— Он работает у Форда. Так и написал: «Я работаю у Форда».

— Кем? Если скажете: «главным инженером», я умру на месте.

— Не умирайте, Софа! Миша не написал, что главным инженером. Он написал, что работает...

— Хорошо, пусть не главным инженером. Но у Форда! А мой шлемазл как открыл магазин электротоваров, так и не выбился с ним до сих пор в люди.

Конкретный мир, в котором мы живем, никогда не может быть лучшим из миров. Хотя бы по той причине, что мы знаем его как облупленный. Этот — не лучший из миров — наш.

Уже потому он не достаточно совершенен.

Мир, лежащий за горизонтом наших познаний, всегда лучше.

Когда я жил в Риге, то видел воочию все минусы советской жизни.

Теперь, когда с 1978 года живу в Израиле, я вижу все минусы израильской жизни.

В свое время нас отучали видеть в увиденном — реальность. Предполагалось: реальность — лишь видимость, а розовые краски — подсветка или ретушь. Нас приучали к мысли, что правда не существует сама по себе, а живет только в обнимку с ложью, что позволяло не прислушиваться без доли скептицизма к чужому мнению.

На первых порах в Израиле, году в 1979-м, мне представлялись сомнительными заверения репатриантов, что они при общей своей неустроенности счастливы здесь.

Без квартиры? Без машины? На пособия по безработице? И счастливы?

Впрочем, и у меня была такая же ситуация, и я ни минуты не жалел, что уехал из брежневского Союза. Но я — это я. Я себе доверяю, а вот чужое мнение беру под сомнение: не подстраиваются ли люди под меня, под журналиста, который, так сказать, «пропишет» их в газете или «озвучит» по радио?

Получалось, я не понимал людей.

В Риге 1978 года, до отъезда, было наоборот.

Я понимал людей. Они не понимали меня.

Я понимал, почему они собираются в Соединенные Штаты.

Они не понимали, почему я еду в Израиль, ведущий бесконечную войну с арабским миром. Считали, что скрываю свои истинные намерения.

Юра Молокандилос, переводивший для нотариальной конторы мои документы на английский, так и сказал: «Не думаю, что ты едешь в Израиль. Зачем Израилю документы на английском?»

Мой приятель Сол — художник, сидящий со мной за одним столиком в кафе «Росток», готовился тоже к перемене мест. И намечал свидеться со мной в одном из баров Нью-Йорка.

— Но я ведь еду в другую сторону.
— Не темни. Если дан приказ тебе на запад, то все там будем, в городе Большого Яблока — the Big Apple.
Почему? Хотя бы по той причине, что в Израиле, по Солу, негде развернуться: вся страна — на пролет пули из снайперской винтовки. И кругом враги. А это страшно.
Вот оно — ключевое слово: «Страшно».
В Израиле жить страшно.
Страшно за себя. За детей. За будущее.
Одна война позади, другая впереди, и так будет всегда.
Страшно?
Страшно!
Но живем. И жить будем. Над нами Всевышний. А с нами творчество.

* * *

Первого июля 1998 года, 18 лет спустя после публикации очерка «Дерево моего сына» в русскоязычной газете Израиля «Наша страна», моего Рони призвали в армию. Он уходил на курс молодого бойца, интенсивный и очень тяжелый, в боевые части и — вспыхни очередная война — должен был оказаться на линии фронта, в боевых порядках царицы полей.

Я, солдат двух армий, советской и израильской, понимал, что должен что-то сделать, и не просто морально поддержать сына, но быть готовым, случись что-то, встать в строй вместо него.

Именно так — встать в строй вместо него.

Однако что я представлял из себя в 53 года? Отработанный, я бы сказал, материал. При росте 1 метр 63 сантиметра 70 килограммов веса, из них до десяти «социальные накопления» — приметный животик, вялые мышцы, одышка.

Режим я, понятно, не соблюдал. Мой ежедневно рацион — с десятков чашек кофе, три пачки сигарет, сто-двести граммов коньяка. Словом, я был по уши погружен во все прелести творческой жизни, не замечая, что превращаю себя в живой труп. Дальше так продолжаться не должно было, если мне предстоит снова встать в строй. И тогда я решил вернуться в бокс, чтобы возродить утраченную мощь организма.

Первого июля 1998 года я выпил последнюю рюмку коньяка и дал себе зарок, что больше не прикаснусь к бутылке до того момента, пока Рони не отслужит все три года и вернется домой невредимым. Затем я начал голодовку, которая продолжалась ровно месяц, до 1 августа. Все это время я не ел ничего, пил только кипяченую воду и в результате согнал 16 килограммов. Впоследствии бросил курить: хватит занавешивать легкие дымовой завесой, три раунда кулачного поединка — это не прогулка на свежем воздухе.

Теперь, обретя боевой вес легкой категории 54 килограмма, я мог смело приступать к тренировкам. И тут — надо же какое совпадение! — в торговом центре иерусалимского района Гило неожиданно встретил Гришу Люксембурга, моего старого друга, в прошлом известного боксера, а ныне тренера общества «Маккаби».

— Гриша! Я хочу вернуться в бокс.

В душе я волновался, полагая, что он ответит:

— В твои годы лучше сидеть с удочкой где-нибудь на бережку реки.

Но он сказал:

— Приходи. Через месяц у нас намечается первенство Иерусалима.

В результате, уйдя с ринга в 35, в том самом 1980 году, когда родился Рони, я вернулся сюда снова через 18 лет, сразу же после его призыва в ЦАХАЛ. Будто повестка, которая позвала моего сына в армию, одновременно с ним кинула и меня в бой, чтобы наступающее «старикачество» было унесено боксом.

АВТОР ЖУРНАЛА «ФЛОРИДА» — МИРОВОЙ РЕКОРДСМЕН!

Всем, кто читал в февральском номере «Флориды» очерк «Закон бокса», наверняка запомнился его герой, он же автор — Ефим Гаммер, мужественно преодолевший травмы и вновь вернувшийся на ринг.

Ефим Гаммер, известный иерусалимский русскоязычный писатель, журналист и художник, в прошлом — победитель первенств Латвии, Прибалтики и Израиля по боксу — установил небывалый мировой рекорд: в 25-й раз подряд стал чемпионом столицы Израиля. И это за день до своего 65-летия. Такого в истории бокса еще не было.

Произошло это 15 апреля 2010 года в Иерусалимском боксерском клубе братьев Люксембург «Маккаби». Здесь прошло открытое первенство города, посвященное памяти Сиднея Джаксона — американского еврея, ставшего после революции в России родоначальником бокса в Ташкенте и воспитавшего сотни именитых спортсменов, среди которых и братья Люксембург — Эли, Гриша и Яша.

В соревнованиях приняли участие около ста боксеров из разных городов Израиля — Иерусалима, Ашдота, Лода, Эйлата, Натании. Командную победу одержал иерусалимский боксерский клуб.

От имени всех читателей нашего журнала поздравляем вечно молодого писателя, художника и спортсмена Ефима Гаммера с юбилеем и замечательным спортивным достижением!

Александр Росин, редактор журнала «Флорида», США, 1 мая 2010 года.

После публикации этой заметки прошло три года, которые принесли мне четыре золотые медали. Настала осень 2013-го, а с ней и 15-летний юбилей моего возвращения на ринг, когда я впервые после огромного временного промежутка завоевал звание чемпиона Иерусалима среди боксеров обычного возраста не старше 34 лет.

Выиграю ли я и сегодня? Не будем загадывать. Ринг покажет.

А пока что, в предвкушении боя, я собираю вещи в спортивную сумку.

Укладываю перчатки, маску, бинты, пластмассовую коробочку с капой.

Выхожу во двор.

Сажусь за руль.

И с ветерком по Иерусалиму — туда, вперед, в Иерусалимский боксерский клуб братьев Люксембург «Маккаби», на манящий звон медного гонга, служащий мне надежным ориентиром в жизни.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

НЕ УХОДИ!

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 году. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. С 2007 г. публикуется в журнале «Приокские зори». Лауреат всероссийской литературной премии Левша им. Н. С. Лескова.

Катя таяла на глазах.

Вообще-то она казалась полненькой, только когда надевала слишком обтягивающую одежду. И когда шла впереди, было заметно, что фигура ее наделена округлостями несколько избыточно по сравнению с девушками, ее одногодками. Но недостатком это не считал. Обнимать ее было одно удовольствие. С ней было легко. Характер у нее был на редкость ровный и спокойный. Она много знала из литературы и музыки, охотно говорила о книгах и музыкантах.

Синим чулком не была. Любила вечеринки, охотно принимала приглашения посидеть в кафе. Умела целоваться так, как показывают в современных фильмах.

И вот что-то случилось.

Первой это заметила ее мама.

— У вас с Катей все в порядке? — как-то спросила она.

— Да, все в порядке, — пожал я плечами. — А, что?

Наверное, все мамы обеспокоены одной и той же мыслью, когда юная особа начинает интересоваться молодыми людьми и дружба с одним из них становится слишком продолжительной. Я часто бывал у них, Катя приходила к нам. Мы не таились. Да и скрывать было нечего.

Случилось так, что она увлеклась то ли йогой, то ли какими-то другими модными теперь упражнениями. Записалась в группу. Свидания стали откладываться, если совпадали с занятиями.

Меня это не напрягало, потому что на наши отношения, то есть увлеченность друг другом, это никак не влияло. Мы виделись часто. В группы «по интересам» ходят не только пенсионеры и пенсионерки. Бывают там и парни с девчонками. Нередко именно там завязываются «отношения». Но по Кате не было заметно, что у нее появился «интерес».

— Я похудела? — спросила Катя через месяц занятий в группе.

Стало быть, вот в чем дело.

Тоже объяснимо. По ящику и в интернете, каких только систем для похудения не вторят населению. И модно и полезно.

— Есть немножко, — сказал, обнимая Катю.

— Не немножко, а пять кило.

А спустя еще пару месяцев стало десять кило.

Это и забеспокоило Наталью Петровну, Катину маму. «Сохнет» дочка. Может, что-то в наших отношениях разладилось, наверное, думала.

Да, фигура Кати заметно изменилась. Она сильно худела. Обнимать стало почти нечего.

— Что с Катей? Она не заболела? — спросил Наталья Петровну.

Она заплакала.

— Да, заболела. Болезнь что-то странная.

Всхлипывая и утирая платком слезы, она рассказала.

Дочь стала считать каждый грамм еды. Ничего мучного, сладкого. Взвешивается каждый день. Нашла в аптечке таблетки слабительного. Таблетки для подавления аппетита. На вопрос, зачем тебе это, отвечает раздраженно, ничего не объясняя. Часто слышу, как ее в туалете рвет. Думала, отравилась чем. Но часто и давно уже. Бегать стала. Упражнения дома какие-то делает.

— Беда, беда, Ленья, что делать? — говорила Наталья Петровна плача.

— Надо обратиться к врачу. Может у нее... — но тут же осекся, не сказал страшного слова — «рак».

— Что ты, Ленья. Говорила. Ни в какую. Никаких врачей не хочет.

— Я с ней поговорю.

Вспомнил, что в самом деле в кафе Катя ела мало, больше просила заказать что-нибудь попить. Перед тем, как уйти из кафе, бежала в туалет.

— Я толстая? — как-то спросила она после того, как мы побывали с ней на показе мод.

— Для меня в самый раз, — был мой ответ.

Значит, речь об «идее фикс» — похудеть любой ценой. Но теперь, кажется, она перебрала. На ум пришло сравнение циркуль. Ходячий «циркуль». Она не стеснялась своей худобы, которая могла бы испугать при неожиданном взгляде на нее. На пляже она спокойно расхаживала между загорающими. Стала любить наряжаться. Что-то детское появилось в ее поведении.

— Зачем тебе это?

— Ты о чем? — раздраженно сказала она.

— Так сильно худеть?

— Ты ничего не понимаешь. Быть толстой сейчас неприлично. Это все равно, что быть неопрятной.

— Смотри, уморишь себя.

Как странно сейчас вспоминать эти слова.

* * *

Катю положили в больницу. Ее обследовали, но какой-либо болезни в теле не нашли.

Дело дошло до психиатра. Перевели в психиатрическую.

По коридорам ходили странные люди. В серых халатах. Неопрятные. Улыбались невеселой улыбкой. Разговаривали сами с собой. Смотрели на тебя странными глазами. Молодая девушка, тщательно накрашенная и причесанная, подошла ко мне и заигрывающе улыбаясь, сказала:

— Ты ко мне пришел, красавчик? — и потянула меня за рукав.

Катя никак не реагировала на пристающую ко мне больную.

— Я не могу здесь. Заберите меня отсюда.

Катя тоже в сером халате, подпоясанным по талии. В этом халате она не казалась

худой, но подпоясанная талия была тонкой. Странно было вдеть ее не причесанной, как обычно, тщательно. Лицо было бледное, без макияжа. Глаза запали, грустные.

— Как ты, Котик? — спросил как можно ласковее.

— Я не могу здесь быть. Возьмите меня отсюда, или я убегу.

Мы присели. Я взял ее руку себе на колени. Она была холодная и сухая. Ее рука не стала теплее от моей руки.

— Как лечение? Тебе лучше?

— Это варвары. Кормят насильно. Если отказываюсь, засовывают в рот резиновую трубку и вливают еду. Противно. И чего-то колют, колют.

Голос срывался на крик, почти беззвучный, как когда долго не пьешь или долго не говоришь.

— А еще привязывают на кушетке и чего-то вводят в вену. Я не могу здесь. Заберите меня.

— Мама приходит?

— Да. А толку? Не хочет меня забрать.

— Appetit есть?

— Ты что, насмехаешься!

Катю было не узнать. Характер изменился еще до больницы. Ее нельзя было соблазнить предложением пойти в кино или посидеть в кафе, если на это время приходилось занятие в группе. Воля была железная.

Лечащий врач, сухая высокая женщина, прежде чем ответить на мои вопросы, задала свой.

— Вы ей кто будете?

— Жених.

— Жених, значит.

После небольшой паузы, как бы взвешивая слова.

— Ищите другую, — и, увидев мое несдержанное протестующее движение, — вы-здоровливают они редко. Здоровье подрывают на всю жизнь. Мать будет никакая.

В каждое мое посещение картина не менялась. Все такая же, с серым осунувшимся лицом. Те же просьбы, забрать из больницы. Те же жалобы на варварское лечение.

Цветы, белые астры, вызвали у нее слабую улыбку впервые за две недели. Но только один раз. Она была живая, но как мертвая.

Только однажды ее врач сказала ободряюще — «прибавила кило».

Но эффект был кратким.

— Опять съехала на 20 килограмм, — раздраженно сказала она. — Знаете что, забирайте ее домой. Пишут, что лечение на дому дает лучший эффект, чем в стационаре. Будьте к ней внимательнее. Не заставляйте есть, а ешьте сами в ее присутствии. В доме чтоб не было слабительных средств. Уберите из аптечки, если есть, мочегонные средства. Следите, чтобы не вырывала после еды.

Еще много чего советовала пожилая сухопарая женщина.

Слушал ее, а сам думал о том, что нас ждет.

— Это лечится?

— Лечится, но излечивается не всегда.

— У нас есть надежда?

— Надежда должна быть всегда. Боритесь за нее. Многое зависит от семьи.

* * *

Нести Катю к машине было легко. Ощущение, что несущего ребенка. Голова запрокинулась, волосы, ставшие редкими и сухими, свешивались с моей руки. Наталья Петровна шла рядом и тихо плакала.

В машине Катя уснула. На ее лицо с закрытыми глазами смотреть было страшно. Казалось, она не проснется.

Дома уложили в приготовленную чистую постель. Положили грелку к ногам и укрыли еще одним одеялом. Ей было холодно.

Потянулись дни ожидания хоть какого-нибудь, хоть маленького успеха.

Каждый раз Наталья Петровна говорила мне, что Катя ест. Понемногу, несколько столовых ложек, но ест. Как-то при мне тоже поела блюдечко каши и половинку вареного яйца. Когда уходил, услышал, как в туалете ее рвет.

— Ты меня еще любишь? — спрашивала она. К моему приходу надевала что-нибудь яркое, но просторное. Халат в больших красных цветах с широкими короткими рукавами, в которых ее руки казались неестественно тонкими. Чаше Катя лежала. Но иногда заставлял ее за упражнениями.

— Почему бы нам не сходить в кино, — предложила она как-то.

Признаться, мне показалось неловко, появиться на людях с девушкой ... не могу подобрать слово, как сказать, но что на нее обратят недоуменное внимание, было наверняка.

Туда и обратно брали такси. Перед сеансом в фойе было тесно, никто друг друга не разглядывал. Так же тесно было на выходе и после сеанса.

Катя очень устала. Из такси пришлось взять ее на руки и внести в квартиру.

На другой день у нее поднялась температура. Она тяжело и часто дышала.

Видимо, внешний вид Кати произвел на врача впечатление.

— Онкология? — спросила она и стала выслушивать Катину грудь и спину. — Фонендоскоп толком не поставишь, одни ребра, — тихо ворчала докторица.

— Пневмония, — закончив осмотр, сказала она, поднимаясь со стула. — В больницу теперь таких не берут. Лечат на дому. Будет приходить медсестра, делать инъекции. Купите кислородную подушку.

Состояние Кати ухудшалось быстро. Конечно, организм ее был ослаблен голоданием. Сил бороться не было, это было понятно без и объяснений врача.

И все-таки мы с Натальей Петровной еще надеялись, что Катя выздоровеет. Но она прожила только три дня после посещения кинотеатра.

В тот день она умерла у меня на руках. Наталья Петровна вышла в магазин.

Глаза были закрыты. Она еще дышала. Но все реже. Я держал ее руку и считал пульс. 50. 45. 40. 20. Она открыла глаза и посмотрела на меня. В них была тоска.

— Котик, не уходи, — прошептал я.

Пульс перестал определяться.

Не знаю, услышала ли она эти слова.

* * *

На девять дней я пришел к Наталье Петровне. Она была одна. Мы помянули Катю.

— Вот, возьми. Это тетрадь с записями Катеньки.

Тоненькая тетрадь, белые листы которой исписаны мелким четким почерком.

«Что со мной происходит, я не знаю. Все тревожит меня. Боюсь, что Леня разлюбит меня. Он красивый, веселый, остроумный. На него заглядываются девчонки. Я толстая и неуклюжая. Говорят, чтобы узнать, какая девушка будет с годами, надо посмотреть на ее маму. Если она тонкая, то и ты будешь тонкой. А если толстая, ты и ты будешь толстая. Я буду толстая.

Леня сказал — я люблю полненьких. Это когда я спросила его — я толстая? Просто не хочет меня обидеть.

Если он меня бросит, я умру. Как Виолетта. Или как Мими. Мими была худая, а Рудольф все равно ее бросил.

Я похудела на пять кило. Но совсем это не чувствую, и не вижу. Немножко кружится голова, есть хочется, но я добьюсь своего. Он пока этого не замечает. Значит, мало.

Йога интересное дело. Когда сидишь в позе, есть совсем не хочется. Надо заниматься два раза в неделю.

Странное дело, я почти не испытываю чувство голода. Есть почти не хочется. Хочется, но бывает достаточно кусочка хлеба, стакана воды. Пить всегда хочется, но от этого полнеют. Атлеты, чтобы сбросить вес перед соревнованиями, всегда принимают мочегонные или парятся в бане. Значит, помогает.

На пляже на меня пялятся. Идиоты. Противно смотреть на бегемотские туши, у которых из купальников вываливаются части тела.

Мама беспокоится. Думает, что у нас с Леной разлад. Кажется, нет. Он меня любит, только говорит, что не за что подержаться. Шутит, наверное. Привыкнет, если любит.

Что-то стало с моей головой. Страшные сны снятся. Чаще темнота, глубокая, пугающая, в которую погружаюсь и погружаюсь... Часто слышу музыку, тоже страшную. Сплошные диссонансы, визги, скрежет. Погружаюсь все глубже. Стараюсь ухватиться за края, чтобы выбраться, но руки не достают края или соскальзывают с него. Я лечу вниз и просыпаюсь, во всем теле слабость, как после тяжелой работы, и пот. Все тело мокрое. Или снится, что кто-то зовет меня к себе. А у меня нет сил отказать. Иду, как за волшебной флейтой.

Что это?

Наконец-то меня забрали из психушки. Как они вообще до этого додумались!

В теле невероятная легкость. Движения даются без усилия. Но йогу пришлось оставить. Просили немного поправиться.

Мне стало неинтересно ходить на вечерники. Правда, там еду не предлагают. Все больше напитки. Возбуждающие, но у меня нет сил. Леня остается со мной. Молодец. Подруги меня тоже не интересуют. У нас разные интересы. Они о том, где и с кем были.

Оформила академический отпуск. По состоянию здоровья. Врач безо всякого дала справку.

— Захотелось пойти в кино. Боялась, что Леня откажется, постесняется. Молодец. Не отказался. Была Одри Хепберн. Какая фигура!

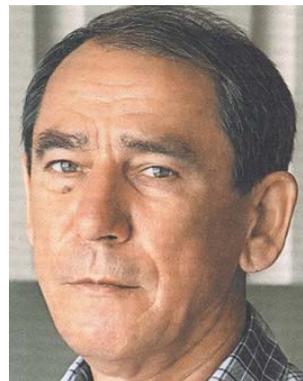
У меня нет больше сил жить».

Я закрыл тетрадь. Ты все-таки ушла.

Шакир а-Мил

(г. Сатпаев, Карагандинская область, Казахстан)

СМЕРТЬ ПОЧТАРКИ (1947 г.)

(Псевдоним, настоящая фамилия Садыков Шамил Бурганович) уроженец деревни Молвино (Татарстан, Россия)

Горняк, писатель и публицист. Пишет в основном малую прозу. Основная тема — антимилитаризм. Автор двух книг: «Жили-были...», «Фотограф Изя и другие...».

Публикации в Казахстане, России, на Украине, в Азербайджане, Канаде, в журналах «Простор» (Алма-Ата), «Нива» (Астана), «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «День и ночь», «Идель» и других альманахах и сборниках современной прозы.

Отмечен на конкурсах: «Золотое Перо Руси» — 2007 г. (Серебряное Перо в военно-патриотической номинации), «Ковдория» — 2011, 2013 и 2014 гг., «Русская премия» 2009 г. (Лонг-лист), «Литературные мосты» — 2010 г., Республиканский конкурс очерков в номинации «Нравственный выбор» — 2010 г., Каверинский литературный конкурс — 2012 г. (Лонг-лист), Второй открытый конкурс им. Короленко — 2014 г. (Шорт-лист), Национальная литературная премия «Алтын калам» — 2014 г., Всероссийский литературный конкурс «Граница» — 2015 г., Всероссийский литературный конкурс «Герои Великой Победы» — 2015 г.

Всем жертвам ВОВ посвящается...

1

Дым из трубы дома правления председатель колхоза «Искра» Семен Прохоров увидел издалека и прибавил шаг. Под утро было холодно и безветренно. Снег, как плохая половица, скрипел под ногами и отдавался эхом в соседних улицах и, казалось, там тоже кто-то идет навстречу. Но никого не было, и только собаки беззлбно лаяли вслед, так, ради порядка, и казалось Семену, встречали его, как председателя.

Дом правления, на зависть другим председателям района, в колхозе был большой и основательный. Достался он колхозу еще в годы коллективизации, когда районное начальство потребовало от колхозного руководства в угоду партийной линии итогов раскулачивания. Тогдашний председатель (до Семена) Макар Иванович Пряхин отписался, мол, погорельцы, едва отстроились. Да и где кулаков искать в тысячелетнем селе, когда родня на родне? Только району в те времена, видимо, тоже приходилось не сладко. И написали они Макару Ивановичу прямо: не найдешь Пряхин у себя кулака, так приедем и сами с десяток добудем. Делать нечего, пошел тогда мудрый Макар Иванович к Петру Селину, к единственному пришлому человеку в селе, подрабатывающему отстраивая дома погорельцам, женившегося здесь и решившего остаться в колхозе, построив между делом самый большой и крепкий дом.

Долго, полночь за полночь говорили Макар и Петр, и выходило так, по Макара словам, что больше некого раскулачивать на селе кроме Петра. И слукавил тогда Макар, дескать, уже имеется такое мнение у правления колхоза. Так поутру и решили, что продаст Петр, что сможет, а остальное отойдет колхозу. Вот так дом Петра стал колхозным. А самого-то Петра выслали с семьей в Сибирь, и кое время спустя, в восточке, передавал он поклон селу, и особенно помянул, что не держит зла на Макара и на сельчан. Да один Макар знал, каков на нем грех...

Да, чудной был председатель Пряхин Макар. На удивление для тех времен — беспартийный, характером крут, как он уживался с начальством непонятно. На всю округу только в его деревне сохранилась не только церковь, но и самый что ни есть настоящий поп, до настоящего времени еще не старей.

В году, сорок третьем, припылил в колхоз «воронок» и наскоро прихватив с правления Макара, покотил к церквушке. Вся деревенька прильнула тогда к заборам, увидеть на прощание отца Варфоломея, да и жена его с малыми детьми металась недалеко, наблюдая, как люди с машины, Макар и Варфоломей долго говорили о чем-то, прохаживаясь у церковной ограды. Так «воронок» и уехал, оставив председателя и попа одних у церковной ограды.

А наутро Макар отменил все работы. Послал две бригады к отцу Варфоломею, навести порядок у церкви, а прочему народу приказал к десяти часам всем прибыть на службу в церковь, одев, что ни есть самое нарядное и добротное.

В десять отец Варфоломей начал службу. Ближе к одиннадцати в деревню прикатали несколько машин, из которых вывалили районное и другое начальство, а еще, как потом выяснилось, несколько корреспондентов «не наших» газет.

Корреспондентов этих, поразило, что в колхозе есть церковь и на службе, казалось бы, в самое, что ни есть рабочее время, находится практически все село. Да что там корреспонденты, у председателя райкома волосы дыбом стали, когда впереди всей толпы молящихся людей, он увидел с орденом на груди, старательно крестившегося, и главное правильно, самого Макара. И, как назло, кто-то успел шепнуть корреспондентам, что это сам председатель колхоза. Они не мешкая, не церемонясь, придвинули отца Варфоломея к Макару да так и сфотографировали. Начальство обливало потом в страхе, чем же это закончится. Однако все было хорошо. Говорят, кто-то из совсем уж большого начальства видел это фото Варфоломея с Макаром в каком-то там «тайме», но у всех через пару месяцев отлегло на сердце, что никаких нареканий сверху не поступило.

А еще через год в колхоз приезжал сам председатель райкома и, взяв самое честное слово от Макара и Варфоломея, только при них окрестил своего внука отбывающего на фронт.

Вот таким был председателем Макар Пряхин, год назад, самолично уступившего место свое Семену и как-то сразу стал постаревшим, молчаливым, ни во что не вмешивающимся стариком.

И молодой Семен с друзьями фронтовиками, сменившие старого Макара и бабье с постов бригадиров, продолжали дальше чинить путь к светлому будущему в масштабе колхоза «Искра».

2

У крыльца правления, из глубины собачьей конуры, сверкнули глаза самого ленивого пса села — Гитлера, неизвестно кем так прозванного еще до войны. Избалованный и откормленный Гитлер всех знал и ни на кого не лаял. А свою собачью верность и службу он с лихвой показывал и вымещал на всякого рода районных работ-

никах, узнававших о существовании Гитлера в последнюю минуту, когда он верный своей тактики, выскакивал из под крыльца и успевал отхватить на худой конец кусок штанины. О Гитлере знали даже в области. Как-то на партийной конференции секретарь обкома спросил докладчика из района: «Что-то я не вижу в зале вашего фининспектора?» Тот, копавшийся в это время на трибуне, как раз таки в бумагах этого фининспектора, ответил небрежно: «Да его Гитлер покусал». И когда через пару секунд, он понял, почему в зале вдруг наступила гробовая тишина, запинаясь и заикаясь, пояснил кто такой «Гитлер», зал буквально покотился от смеха.

Подбросив своему, как он называл Гитлера, «члену правления», заранее припасенный мосол, Семен распахнул дверь избы. Из избы вывалились клубы тепла и нестерпимого запаха крепкого табака. Прикрыв дверь и пообвыкнув к свету, Семен увидел у круглой, до потолка обитой железом печи бригадира механизаторов Степана Кузнецова и конюха Фомина дядю Гришу, которого он просил прийти пораньше, чтобы сразу после утреннего наряда уехать по делам в район.

Поприветствовав, Семен скинул тулуп и, смахнув невидимую пыль с орденов на груди, обратился к однокоренному дяди Грише, потерявшего руку еще по молодости, в гражданскую, но всегда утверждавшего, что он и одной рукой и «с конем и с бабой управится»:

— Ну и табак у тебя дядь Гриш! Если бы твой табак на вооружении нашей армии поставили, мы бы фрицев на два года вперед одолели.

— А экономия, какая! — отозвался на шутку Степан. — Я вот обнюхался, так цельный день можно не курить.

Посмеялись они. Хороший парень Степан. И воевал он хорошо. У него-то орденов, считай, всего как у всех фронтовиков колхоза вместе взятых. Герой, прямо сказать. Да вот незадача недавно с ним вышла.

Дело в том, что, как во всякой многовековой деревне, на все ее селение ходило с десяток фамилий, да и если считать что и именами оно было не богато — Ивановы да Степаны, то и вовсе путаницы было много. А потому, чтобы было легче, все семьи имели свои прозвища, передававшиеся из рода в род. Так, например, один из прадедов Макара Пряхина был краснолиц и потому, и пристало к его роду прозвище Свекла. Так и говорили, чтобы с другими Пряхиными не путать — Макар Свекла. Дядя Гриша был от рода — Гриша Чудной. Прапрадед его, Егор, отличался тем, что со всеми, с кем говорил, всегда обращался на «вы», будь то, старше его или млад.

Не повезло вот только с этим Степану. Прадед его, Иван, был известен тем, что на забаву себе и односельчанам мог по собственному желанию издавать сколько угодно зловоний. Оттого и осталось за этими Кузнецовыми в роду прозвище П-н. Так о них и говорили Иван П-н, Мария П-н, вот.

А что? Были прозвища еще покрепче. И ничего, жили. Только вот недавно, ко дню Красной Армии, приехали в колхоз представитель района и молодая девушка. Она, столичная журналистка, попросила в районе предоставить ей героя-фронтовика для статьи к празднику, и там решили, что лучше, чем Степан, кандидатуры нет. Гости приехали поздно, в правление никого не было, все разошлись по рабочим местам. А поскольку нужно было еще сегодня и вернуться, они пошли сами искать Кузнецова. Их отсылали то сюда, то туда — мало ли где бригадир механизаторов бывает, пока не попался им навстречу шустрый такой паренек. С минут пять он уяснял, какой такой Кузнецов, и какой такой Степан и, наконец, когда понял о ком идет речь, радостно закричал:

— Да вон же он идет, Степан-то! Эй, П-н! Ходи сюда, тебя ищут!

Надо ли говорить, как осерчал тогда Степан. Назавтра, на планерке, он в горячке потребовал, чтобы его перестали называть таким позорным именем, поскольку для

него, героя войны, это обидно слышать. Все тогда промолчали, и только дед Савелий, единственный, кто остался из старого управления сказал:

— Уж не знаю, что тебе сказать Степан. Прадеда твоего не видел, слышал, будто сердешный был человек. Деда, одноименца твоего, помню, до смерти веселый был человек, да и отваги в нем было немало, считай у него одного на деревню два георгиевских было еще за царскую войну. С батяней твоим две войны прошел, и никогда он в трусах не числился и врага не спиной встречал. Все они, земля им пухом, позора не имели, да славно пожил. Только от прозвища своего они не отказывались. Уж не знаю, каков ты герой Степан, только ты на меня не сердчай. Конечно, мы правление, пойдем тебя и поможем, а вот с народом мы это решить не сможем. Не поймет тебя народ Степан, засмеет. Да у нас и в народе тепереча, каждый второй — герой.

Семен помнит, как замкнулся тогда Степан. Было видно, жалел он, что слово такое тогда сказал.

Хотел, было как-нибудь и поговорить с ним про то. Да Степан, молодец, сам душой отошел, вот и шутить-то не забыл. Верное слово, сказал тогда Савелий.

Тут двери распахнулись, вошли еще двое, а с полчаса спустя все были в сборе, и началась колхозная планерка...

3

Ехать в район рано не получилось. Хоть и зима, а дел хватало. А то, как же? Надо было удержать передовое красное знамя по району, не позориться. А тут вот и ЧП. Старик Тихон, сторож на ферме, проспал ночью, как корова отелилась, а теленок погиб без помощи. Сидит вот теперь, божится, что не спал, да видно — врет ведь, старый! Попугав его «вредительством» Семен указал поменять его местами со сторожем овчарни, что на другом конце села. Тут кто-то сказал, что нельзя. «Почему?» — вскинулся Семен. Оказывается, у овчарни заметили следы волков. С каждым днем они все ближе и ближе. Всем управлением, благо рядом, сбегали к овчарне. Да, следы волчьи. Надо бы карабин с патронами выдать сторожу. Тут старик Тихон оживился: я, мол, стрелок отменный, ручаюсь, всю стаю положу.

— Ты бы старый шел бы к своим коровам хвосты крутить! Ишь, чего надумал, ружье ему подавай,— осадил его Семен.— Еще подстрелишь кого сослепу!

Тихон аж прослезился от неожиданной амнистии, задком-задком и айда до своей старухи. Вернулись в правление посвежевшие и уж хором похулив дяди Гриши табачок, продолжали разнарядку.

Посреди этого действия ввалилась в избу скотница Марфа — видно, что спешила, видно, что по делу. Как вошла, так и присела на лавку у двери отдышаться.

— Тебе чего, Марфа? — спросил Семен, понимая, что по простому делу в это время к нему не зайдут.

— Так ведь эта,— сказала, взмахнув рукой, Марфа,— Варька-то вот померла.

— Да говори ты толком, Марфа. Какая Варька?

— Да почтарка Варька,— всхлипнула тут Марфа, а потом и вовсе разрыдалась.

Почтальонку Варвару Семен особо не знал, она появилась на почте, после того как он, еще до финской, в армию ушел. Слышать как-то слышал, а знать не знал.

— Будет плакать, Марфа,— сказал строго Семен.— Понятно горе. От нас что надо то?

— Да жалко-то девчонку,— двумя руками утирая слезы, сказала Марфа.— Да помочь надо. Одна ведь она с матерью жила.

— Надо помочь, поможем. Вот Степан Кузнецов и Егор Башев, узнаете все и сделаете что надо. Понятно, Марфа?

Марфа без лишних слов поднялась и скрылась за дверью.

— Ну, баба,— вздохнул ей вслед Семен.— Тут дел невпроворот, а она такой шум подняла.

Все усмехнулись, и только дядя Гриша, так почудилось Семену, с укоризной взглянул в его сторону. Наконец, вскоре все дела были порешены, и поручены, и Семен с удовольствием вышел из дома, у которого уже стояли, запряженные сани и рядом с ними возился дядя Гриша.

— Ну что, батя? Заправил свою технику?! — окликнул конюха Семен.

Тот ничего не ответил и, поправив соломку, уселся на свое место.

— Обиделся, значит,— догадался Семен.— Да я ведь шутейно. Понимаю, что горе.

Дядя Гриша и тут смолчал, цокнул на коня, шевельнув для порядка вожжами, и сани тронулись, то ли скрипя, то ли снег скрипел под ними. И еще не кончились колхозные владения, как уснул, зарывшись в солому Семен, досматривать недосмотренные все утренние сны своей нелегкой председательской жизни.

4

Возвращались, уж вечерело. По дороге подобрали двух женщин обменявших что-то на рыбу пряного посола у пленных немцев, строивших неподалеку от села железную дорогу. Семен эту рыбу как-то пробовал.

«Откуда у немцев такая вкусная рыба? — думал он.— Тут вот самим жрать нечего. Тоже мне политика! А бабам надо сказать, чтобы не ходили пока туда, вишь, как поздно возвращаются, опять же волки нападут, не дай бог».

Но, поразмыслив немного, решил, что не стоит говорить, все равно не послушают.

В небе светились с десяток звезд, как впереди показалось село. Лошадка, почуяв дома, пошла веселее, а бабы замолкли, как бы соображая, какие земные дела они сегодня еще не сотворили.

И совсем уж на въезде, дядя Гриша, не оборачиваясь, вдруг сказал:

— А что, Семен, заедем к Варьке в дом, пособолезнуем?

— Конечно, батя, давай завернем,— легко согласился Семен, обрадовавшись тому, что можно сгладить перед дядей Гришей свою утреннюю оплошность.

Подъехали. У дома несколько женщин и подростки чистили снег, остальные стояли поодаль, ожидая очереди. Поздоровались, прошли в дом.

В избе к ним подвинули мать Варвары, сухонькую женщину в черном — пособолезновали ей. Она не плакала и только сказала:

— Пройдите.

Дядя Гриша присел на предложенное место, Семен же придержал рукой на месте бабульку, пытавшуюся уступить место и ему, оглянулся вокруг. Из народа были все женщины в черном, еще старики, а из молодежи все больше девки — тоже в черном. Из мужиков, заметил, также фронтовика, Пряхина Фрола Немого. Тот, сидел здесь по-соседски, заметив взгляд председателя, кивнул ему головой.

В избе было полутемно, лампа на потолке прикрыта газетой, вокруг все свечи. Покойная лежала среди комнаты, безучастная ко всему. Взглянув на нее, Семен подумал: «Эка Марфа дура, мол, девку жалко. Да ей, поди, уж за сорок было». Что-то не нравилось здесь Семену. Уж больно народу много. Вот недавно Игната Степанова схоронили, фронтовика, так народу было куда меньше.

«Тут что-то не то,— подумал Семен.— Ты глянь, и бабы все в черном. Уж не сектали завелась у нас на селе? На последней конференции секретарь особо отмечал, подняли сектанты голову, пользуются тем, что народ такую погибель и трудности пережил. Вон бабка в углу все какую то книгу читает. Потерял ты бдительность Семен. Надо бы в книжку эту заглянуть да дядю Гришу расспросить, что за сборище то?»

Тут в избу вошел Егор Башев, он из Сохатых по роду, а значит сродственник Варькин. Прослышал видать, что председатель тут, да зашел отчитаться. Верно, вон глазами ищет. Семен пошел к нему, другим кругом и по пути заглянул в бабкину книгу. Ничего особенного в книге той не было. У Семена бабки такая же была. Она все ее прятала, а потом сняла с нее обложку, приладила ее под обложку стихов Пушкина и хранила среди Семена учебников. И когда ему, конечно по делу, от бабки доставалось, он все грозился рассказать в школе, как она книгу пролетарского поэта испортила. Бабка испугано крестилась и многое тогда Семену прощала. Бабки уж нет, а книга так у Семена в память о ней осталась. Семен как-то показал ее отцу Варфоломею, тот сказал, что это Псалтырь, поцеловал и благословил ее да прибавил, чтобы Семен хранил ее вечно, и тогда дом его не оставит бог, да и делам колхозным будет в помощь.

Егор тихо сказал, что все готово и прошел вглубь. Семен и дядя Гриша, согласно обычаю, не прощаясь, вышли из избы.

В пути, придвинувшись ближе, он спросил дядю Гришу:

— А что, дядя Гриша, народу у Варьки так много?

— Ты это, верно заметил, председатель. И вправду народу много. Так ведь чувствует народ вину свою.

— Да ты не чуди, старик! Какая такая может быть вина?

— Э, да ты ничего не знаешь Семен,— сказал дядя Гриша, развернувшись и бросив поводья, дорога-то одна, и продолжил.— Понятно дело, не было тебя с нами. Варвара-то наша жила одна с матерью, если помнишь, отец ее потопил еще в тридцатых, ты тогда мальчонкой был. Почтаршей она стала через год, как ты в армию ушел, когда старая почтарка Мария ногами слаба стала. Ты бы Варвару видел Семен тогда. И собою хороша, и голосок у нее был, словно пташки щебечут. А тут война, будь она не ладно! А что в войну-то? Каждый весточку-то ждет. А вести-то с войны, сам знаешь, все больше были какие. Вон на тебя и то похоронку успели прислать, пока ты в окружении был. А каково Варьке-то было? Все на нее смотрели, вестей ждали. А которые вестей плохих дождались, так лучше бы на нее не смотрели. И сколько просила она заменить ее, так никто не соглашался на это место. Не узнать стало Варю, и голоса-то ее уже никто не помнил. Куда-то ушла краса, и глаза померкли. А всем недосуг. У каждого свое. Вот о старике Акиме слух шел по селу, мол, по ночам к снохе своей заглядывает. А он, бедолага, каждую ночь вокруг дома обходил и слушал, не плачут ли его четверо внуков от голоду. Да так и помер от недоедания. Да то старик, а Варька-то за двадцать только перевалило.

— А ну, двадцать!?! — изумился Семен.

— А как ты думал, сынок. Если ты там, на фронте своего хлебнул, так мы за тобой не отсиживались. Мы тут с бабьем такого наворотили, вам молодым еще поднапрячься надо. Это они сейчас бабы бабами стали, вас, видя, сердцем отошли, а в войну хуже всякой скотины жили. А у Варьки-то сердца не хватило, уж горе каждого она перевидала и пережила.

Замолчал дядя Гриша и Семен больше ничего не спросил. А в тишине то ли снег скрипел, то ли сани скрипели. Да звезд стало полный небосвод.

5

К часу похорон, так Семен с утра сказал, все были в правлении. Оттуда направились к дому покойной. Подъезжать к такому дому было не принято, пошли пешком. Все шли за Семеном весело и шумно, обсуждая по пути дела да воскресное кино в клубе. Было на удивление по-весеннему тепло и, казалось, вот-вот начнет таять. Все

они молодые, тулупы нараспашку и старик Савелий едва успевал за ними. Свернув к дому, вдруг стихли. Улица была полна народа. Семен оглянулся, все спешно оправились, подтянулись, и только тогда шагнул вперед. Народ расступился, пропустил их к дому и другая молодежь, бывшая здесь, невольно подтянулась к ним. А вскоре вынесли Варвару и поставили у дома перед всеми. Вышел отец Варфоломей в легкой сутане, крестясь и молясь. Мать Варвары стояла рядом и бесслезно прощалась с дитем своим. Как все стихло, подошел к гробу Макар Пряхин, взглянул он на Варвару и сказал:

— Вот, люди, нету нашей Варвары-то. Ты уж прости, доченька, души наши. А уж особо меня прости, старого.

И упал вдруг старый Макар перед гробом на колени, лишь рукою успел упереться в него. Бросились к нему Варфоломей и Егор Сохатый, подняли и увели в сторону. Люди зашевелились вокруг, надо было начинать. Мать, подняла глаза свои, больные от горя, словно искала защиты. Несколько женщин увели и ее. Кто-то шепнул Семену, что надо бы Варвару немного пронести от дома.

— Конечно,— сказал Семен и в пример другим, скинул тулуп в сани для подвоза и первым встал у гроба, смахнув с орденов неведомо что.

Другие последовали его примеру, и молодые и красивые понесли свою сверстницу в ее последний, земной путь. И тихий перезвон медалей на их груди, словно колокольный звон, служил на прощание ей...

Сергей Петров
(г. Москва)

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

*По образованию юрист. Литературным творчеством занимается с 2011 года.
Публиковался в журналах: «Юность», «Невский альманах», «Аврора», «Наша молодежь», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Север», «Кольцо А», «Южная Звезда», «Сибирские огни», «Рать», «ТОПОС», «Воин России», «Пограничник» и других.*

Собраны последние стебли травы на могиле, и дед Тимофей, покряхтывая, устало присел на скамейку. Мать с улыбкой смотрела на него с фотографии.

«В следующий раз надо будет крест покрасить,— подумал он и снова посмотрел на изображение.— Какая-то улыбка виноватая. Раньше не замечал. Словно прощения просит, что рано ушла. Бедная моя мама. Пусть земля тебе будет пухом».

Неожиданный кашель прервал мысли. Дед привстал и огляделся. Неподалеку темнела спина человека. «Дай подойду. Может, знакомый? Поговорить охота»,— пронесли мысли.

— Здорово, мил человек,— поздоровался он, подходя к одиноко стоящему у ограды плотному, коренастому человеку.

Незнакомец обернулся. Обветренное, с красными прожилками лицо, с космами нечесаных волос и обжигающим исподлобья взглядом настороженных синих глаз, которые, осмотрев нежданного гостя, седого сгорбленного старичка с клюшкой, успокоено замерли.

— Если побеспокоил, уйду. Я думал, может, знакомый какой,— оправдываясь, тихо выговорил Тимофей и уже повернулся.

— Подожди, отец,— раздался глухой голос с просительными нотками.

— У меня пол-литра есть. Один пить не могу. Поддержишь?

Старик просиял и важно заявил:

— Чего ж не поддержать-то? Правда, пью сейчас дюже редко и, как птичка, с наперсток, но здоровье позволяет.

У деда было в узелке несколько яблок, у мужчины буханка хлеба и нарезанная колбаса. Выпили молча.

— Родственник? — спросил Тимофей, кивнув в сторону могилы.

Незнакомец не ответил, глядя в землю. Старик подошел к ограде, на кресте была фотография пожилого мужчины.

— Не знавал твоего родственника,— словно оправдываясь, сказал он.

Мужчина хотел что-то ответить, но, глотнув воздуха, залился долгим, сухим, судорожным кашлем, обдавшем запахом перегара и табака.

Дед привстал и даже приподнял руку, желая похлопать по спине мужчину, но встретив настороженный взгляд, снова присел и терпеливо стал дожидаться.

— Видать, сильно простыл? — пытливо спросил Тимофей, хотя лицо выражало полное безразличие.

Незнакомец не ответил и снова разлил в пластиковые стаканы водку.

— Мне чуток,— спохватился дед и суетливо смастерил бутерброды.

«Не хочет видать говорить, вспоминает усопшего. А я со своими разговорами лезу,— размышлял дед.— Ладно, немного посижу и пойду».

— Могила – это вздох земли о человеке,— растягивая слова, пропел на прощание он и встал, собираясь уходить.

— Это я его убил,— неожиданно выдавил незнакомец.

Старик с пониманием ответил:

— Мы всегда виним себя в смерти родных и близких. Не доглядели, не долюбили. Но каждому свой срок выдан. Так что не кори себя.

Собеседник посмотрел мутным взором и процедил:

— И вправду убил, за что отсидел пять лет. Дали семь. Вышел по удо.

Тимофей от неожиданности замер, ноги стали ватными, руки нервно задрожали и невольно выговорил:

— Дел-а-а. А что значит удо?

— Условно досрочное освобождение, за доблестный труд,— мужчина криво усмехнулся.

Сначала старик хотел уйти, быстро и не оборачиваясь. Между тем незнакомец плеснул себе еще водки и замер.

— Случайно получилось? — осторожно, с надеждой в голосе спросил дед.

— Не случайно,— ответил собеседник и, с чавканьем жуя бутерброд, продолжил.— Я тогда только приехал сюда жить. От матери квартира досталась. Деньжата с собой имелась, на севере наколымил. Денежного фраера алкаши нюхом чуют. Вот и у меня сразу от дружков отбоя не было, пока бабки не кончились. Конечно, на работу нигде не брали, вот и стал потихоньку материнское добро пропивать. Возле церкви, что на косогоре, была часовая мастерская. Работал там тощий еврей. Снес туда сначала материнские часы, потом и ее золотое колечко, были еще старинные монеты. Скупщик все брал, правда, давал мало. Как-то увидел, где он деньжата хранит, в комодике ящичек был у него. Когда все ценное снес, то и закралась мысль грохнуть часовщика. Взял нож, как стемнело, заявился к нему. Принес будильник сломанный. Тот, конечно, наотрез отказался, мол, барахло. А когда часовщик отвернулся, то ножом и саданул.

Мужчина посмотрел на Тимофея и, угадывая застывший в его глазах вопрос, продолжил:

— Жалости не было. Но и злости тоже. Что это живой человек и не думалось. Просто бабки нужны были. У него можно было взять. Мочил долго. Он весь искромсанный был, аж лоскуты кожи висели. Кругом кровь, и она казалась искусственной, словно «Агдам» разливался. Бабки забрал. Бухал долго. Вновь дружки объявились. Месяца два пил. Очнулся, лежу на полу в квартире, кругом грязь, пустые бутылки. Колотит всего. Вышел в город, от меня все шарахаются. Видимо, видок еще тот был, и вонь шла. И такая безнадега охватила меня, что пошел к мосту и решил в реку кинуться. Уже шагнул за перила, а тут какая-то бабка возьми и ухвати руками, не побрезговала. Как запричитает. Слабый был после запоя, пытался вырваться, не смог. Уволокла меня к себе. Напоила какой-то настойкой, и я в сон ушел. Потом оказалось, что месяц провалялся, а она поила настоями и отварами. Стал приходиться в себя. Окреп. Но что интересно, с этих пор к спиртному отвращение появилось, похоже, своими травмами она меня вроде как закодировала.

— Это бабка Настя,— кивнул Тимофей.— Она и в самом деле лечила от недугов своими травами и нашептываниями.

— Почему лечила?

— Умерла года два назад.

— Жалко, я ей подарочек привез и денег немного. Николаем меня зовут,— запоздало представился незнакомец и, вновь разлив водку, продолжил.— Пришел домой, а там грязь и вонь. Несколько дней отмывал. Но с тех пор мне удача пошла. Убираясь, случайно нашел в духовке пачки купюр: видимо, по пьянке спрятал туда накопления часовщика и перстенок. Как разгодились на первое время. Спустя месяца два неожиданно на работу взяли, на пилораму. Деньги спрятал на черный день. Перстень тоже оставил, хотя, если бы выбросил, все могло по-другому сложиться. Заработки оказались приличными. Приоделся. Через полгода сошелся с женщиной, а через год и сын родился. Все вроде пошло удачно, словно убийство фарт дало.

— Это бабка Настя, с тебя порчу сняла. Не зная про твое душегубство,— вырвалось у деда, и он боязливо поежился.

— Может, оно и так,— тяжелым взглядом смерил его собеседник и снова продолжил.— Словом, жена на меня налюбоваться не могла. Не пью, не курю, деньги в дом. Все ее родственники приходили на меня смотреть, как на икону. Так оно и было.

Незнакомец замолчал, на лице в уголках губ повисла улыбка. Затем он встал, достал сигарету, похлопал себя по карманам в поисках спичек и с надеждой посмотрел на старика. Дед безнадежно развел руками. Хмыкнув, видимо, вспомнив, мужчина порылся в пакете и с торжествующей улыбкой достал коробок спичек. Закурив, Николай махнул рукой, словно прогоняя от себя прошлое, и с грустью в голосе продолжил:

— С рождением сына обезумел от счастья. Решил жене радость сделать и вспомнил про перстень убиенного. Подарил. Она от радости сияла. Все и дальше было в ажуре. Но случись, сын захворал. Врачиху вызвали. Вижу, она странно смотрит, не сводя глаз с перстенька жены. Уже тогда закралось ко мне подозрение, но думаю, мало ли что. Может, перстенок приглянулся. Дорогая вещица была, сразу выдать. А дня через два на работу ко мне приехали мусора и в отдел потащили. Втроем меня мытарили. Мол, колись на мокруху.

— Ну, ты и решил покаяться. Облегчить душу? — с надеждой в голосе спросил Тимофей. От обильно выступившего пота рубашка прилипла к телу, неприятно сдавливала грудь.

— И не подумал. Они спрашивают, мол, есть алиби, что делал в этот день? Я свое долдоню, мол, два года прошло, как вспомнишь тот день? А сам думаю, что у них на меня есть? Вот тогда взгляд врачихи на перстенок понял и приготовился к этому. Они тоже притомились бездоказательно бубнить. Тут им перстенок, видать, и подвезли, и начали тыкать, мол, у твоей жены изъяли, а его опознала врачиха, как часовщику принадлежащий. Я им свое, что, мол, купил вещицу, еще работая на севере, и даже магазин назвал, где покупал. А таких, твержу им, мол, штамповок, почитай, тысяча по стране будет. И убедительно так говорю, почти под дурачка играю. Опера опять в замешательстве.

Закрыли меня на трое суток. Только я понимаю, что у них нет ничего. На следующий день уже следователь вызвал. Нашли они деньги часовщика. И давай следак допытывать меня, мол, откуда такая сумма взялась? А я ему, мол, от матери после смерти осталась. Отпечатки пальцев с меня сняли и снова на нары. На второй день посадили наседку, только я его сразу расколол. Понял, ибо явен был интерес к этому убийству. Ничего не сказал. На третьи сутки снова опера мурыжили. Показывали экспертизу, мол, при осмотре были отпечатки пальцев изъяты, и что мои пальчики с ними сошлись. Я тоже им, мол, бывал я в лавке у часовщика, вещицы толкал. Разозлившись от моей несговорчивости, опера сильно помяли, аж два зуба выбили. Но

выдюжил, и ровно в час ночи выпустили восвояси. Жене объяснил, мол, ошибка. Первый раз тогда перекрестился и даже сходил в церкви свечку поставил. Но не помог Бог-то. Недели две прошло, и снова мусора примчались. Смотрю, глаза у них горят, значит, думаю, что-то новое нарыли. Так оно и вышло. На одной купюре, что у меня изъяли, кровь нашли убиенного! Вот дурак, думаю, толком не просмотрел. А на одной пятно и обнаружили. Тут уже вплотную меня упаковали, какого-то свидетеля выкопали. Оpozнал, что, мол, видел, будто в тот день я от часовщика вышел. Никого там не было. Уже потом на зоне объяснили, что подставной был, видать, или алкаш, или на крючке у них висел, вот и грех на себя взял. В общем, не выдержал и признался.

— Раскаялся, словом? — живо перебил его Тимофей.

— Ни о чем не жалел. Просто надоело. Потом понял, что правильно сделал, что признался, иначе больше бы дали. За признание семерик и вlepили. Самое клевое, что в протокол менты только половину изъятых бабок вписали. Остальные сами заныкали. Вот получается, что не только я часовщика грабанул, но и менты со мной тоже. Получается, вместе группой обокрали,— криво улыбаясь, хмыкнул Николай.

— А на зоне пришло раскаяние?

— Не скажу, чтобы сожалел. Вот что с перстеньком прокололся, досадно было, иначе жил бы себе в радость. А жена сразу от меня открестилась, мол, убийца. Вся ее родня на суде поносила меня. Словом, было счастье и не стало. Поэтому муторно было на зоне, словно сам не свой. Как будто умерла душа, а по миру просто тень моя ходит безразличная ко всему. Тупо работал и ел. Ни с кем не корешился, да и не балакал совсем. Весь в себе был. Год прошел, и тут мне подстава вышла. Завелась у нас крыса, стала тырить по мелочи у всех. Никак не могли вычислить ее. Но понял гаденыш, что земля горит у него под ногами и решил на мне подставу сделать. Били тогда меня люто. Это уже потом вычислили крысу, а тогда считали меня. И такой боли натерпелся, какую видимо от меня часовщик принял. Когда мочил его, и не думал об этом. А в тот момент представил это адское мучение, и словно его боль в меня вошла. Очнулся на больничной койке и слышу голос, мол, не жилец. Открыл глаза, смотрю, врач хозяину говорит. Вот тогда и решил, что все равно выживу. Для чего? Захотелось на могилу к часовщику прийти. Даже не знаю почему. Но этим жил.

Николай достал сигарету, помял пальцами и закурил.

— Значит, раскаялся? — снова встрял Тимофей.

Николай задумчиво посмотрел на него:

— Что-то ты заладил с этим словцом? Раскаялся — это ментовской жаргон, пако-стный.

— Сожаление есть? Душа болит? — пытался по-иному высказаться дед.

— Не знаю. А вот боль его понял, когда меня чуть не забили. И его боль вроде как во мне стала жить. Как-то так,— неуверенно выговорил мужчина и замолк.— Одно решил, что каждый год буду в этот день к нему на могилу приезжать и ухаживать за ней. Следующий раз надо будет ограду поменять, эта уже негодная.

— Правильно,— кивнул Тимофей и осторожно спросил:

— А почему в этот день?

— Так уж получилось, что в этот день часовщик родился, и я его убил. Когда дело читал, удивился тому.

— Надо же! — охнул старик и перекрестился.

— А ты в Бога веруешь, дед?

— Знамо, иначе как?

— А я нет,— Николай тяжелым взглядом уперся в деда и встал.— Ладно, пора мне.

— И куда ты теперь?

— К сестре поеду. В соседней области она живет. Одна с двумя детьми, муж по пьянке помер. Работу найду, помогать буду.

Мужчина ушел, а Тимофей еще долго сидел и думал, потом вздохнул:

— Вот ведь как жизнь устроена.

Со временем встреча забылась. Но на следующее лето, когда Тимофей пришел на могилу к матери, вспомнил, и для интереса пятого августа появился на кладбище. Просидел полдня, но ушел ни с чем.

— Забыл, видать, убивец про все, как на свободу вышел,— уныло подумал он.

А через месяц снова довелось Тимофею на кладбище побывать, друга своего хоронил. Дошел из любопытства до могилы часовщика и обмлел. Кованая красивая ограда окружала могилу, рядом с крестом виднелись свежие гвоздики. А на кресте день рождения и смерти значились пятым августом.

Постоял старик и, покачивая головой, побрел домой, бормоча под нос.

— В один день родился, и смерть свою нашел...

